

ГЛАВА 1

Площадь трех вокзалов

Я слышал, есть карта мира, которая покрыта золотой пылью. На ней надо стирать монеткой те места, в которых ты побывал. Внутри все страны раскрашены в разные цвета, поэтому чем больше стираешь, тем ярче твоя карта. И ты уже не просто зануда, который просидел всю жизнь на одном месте, а классный путешественник. Я придумал себе такую карту сам. Это была схема пригородных поездов.

Конечно, поначалу я всегда стартовал с Площади трех вокзалов. Когда я вышел там в первый раз, то ужас и страх после побега наконец сменились восторгом: вокруг была целая куча народу, все бежали, шныряли внутрь вокзала и обратно, дергали за двери, как будто хотели оторвать их с корнем. Машины друг друга подпихивали, топились на солнце, как масло

в каше. А я крутил головой, будто ненормальный, и, по-честному сказать, даже не дышал. Прямо вот так на одном месте стою, а все вертится, в ушах стук сердца, перед глазами пятна, а в голове мысль, что мне устроили темную. Я даже подумал, что слепну, а это мой самый большой, прям-таки вселенский страх. Только потом понял, что это со мной был обморок.

Тут звук сердца сбился из-за толчка в спину. Я обернулся — передо мной оказался хмурый охранник в сером.

— ...Тебя спрашиваю! Че встал, как истукан? Шлагбаум не видишь?

Его слюни разлетелись и попали мне на плечо. Он еще что-то кричал, а я уже уносил ноги от него подалее. Несколько зевак смотрели мне вслед. Вот по-

зор-то! Только десять минут среди людей, а уже так засветился. Откуда я знаю, может, он вызовет полицейского или врача. Тогда мне крышка. Я еле успел забежать в закрывающуюся деревянную дверь и выдохнул.

Изнутри в лицо сразу подул сквозняк и завоняло чем-то приторным, смесью гнилых объедков и как будто мочи. Дверь опять распахнулась и уже не закрывалась — через нее набилась куча народу с сумками и чемоданами. Все обходили сидевшего на корточках мужика. Так это от него этот запах! Вроде нормальный мужик в огромной кожанке и джинсах. Он закрыл глаза под черной шапкой. Неприятное у него было лицо: такое опухшее, красное, с подтеком под глазом. Как, если на улице минус тридцать? Я обалдел: почему никто ему не поможет? Не успел я что-то придумать, как он весь вздрогнул и захрапел. Люди оборачивались, но сразу отводили глаза и вставали в очередь к металлоискателям. А за ними опять мелькнули охранники. Руки за спиной, глаза заглядывают каждому в лицо. Я развернулся, чтобы выйти, но какой-то человек поставил у моих ног спортивную сумку и теперь пытался обвязать ее скотчем.

Не надо привлекать к себе внимание. Среди толпы нужно потеряться, а не стоять, как вкопанный, и не идти против движения. Сразу могут начать кричать или, еще хуже, что-то спрашивать. А разговоры, как вы понимаете, не мой конек. «Пустите!» — все равно завопил я мысленно и вырвался обратно на улицу.

Интересно, что после всех моих странствий этот запах не вызывал у меня отвращения и всегда напоминал о первом дне на свободе. Я думаю, он был похож на то, как пахнут почки и трахеи в забегаловках в Италии. Я об этом знаю благодаря Безымянному. Он такой умный и так много знает, что его часто хочется называть Безымянопедией. Свои факты он вставляет в разговор куда и как попало.

— Прикинь, в Средневековье богатые итальянцы выкидывали ненужные внутренности животных на улицу, а бедняки их ели. — Эту историю он вспомнил, когда на ужин нам наложили печенку с макаронами. — В Италии их до сих пор готовят и называют национальным блюдом. Всякие трахеи, диафрагмы, желудки тельца или коровы. Жесть! Называется зато красиво. Запомнай по буквам: л-а-м-п-р-е-д-о-т-о.

Вот бомжу бы польстило такое название! Но трахеи трахеями, но все-таки я так тогда и не понял, что со мной случилось. Этот мой обморок — это страшно? Может, я болен? «С холодной головой и жарким

сердцем» — точно пронеслось тогда у меня в голове. Фраза, конечно, опять не моя, так любил говорить про командиров, типа Наполеона, мой интернатский историкан — с торчащими усами и слюнявыми большими губами, а потом делать паузу и обводить класс глазами, как будто он тот самый великий полководец.

— Да-да, буду хладнокровным, решительным там. Только не лезь мне больше в голову, — послал я его про себя. — Я сам себе хозяин. Теперь.

Короче, несмотря на позорный обморок, Площадь трех вокзалов мне понравилась: на ней я мог выбрать любое направление и вернуться обратно только спустя день. Новые города и остановки я всегда помечал на своей карте пригородных поездов. В тот самый первый день у меня ее еще не было (я выпросил ее позже у торгаша на казанском направлении), но уже был план — в рюкзаке лежал пакет с разноцветными лентами и два ободка. Ленты, сколько успел, я выкрал из кабинета технологии для девочек («экспроприровал», как с умным видом говорил уже про советских комиссаров историкан. Я называл его про себя Урод. Он иногда занимался дополнительно с другими

мальчиками, а со мной — никогда, потому что терпеть меня не мог. И поэтому всегда морозил меня своим прищуром). Ободки тихонько вытаскил из тумбочек Близняшек (на самом деле, они вовсе не близняшки, просто их так прозвали за то, что делали одинаковые прически и держались за ручки, даже когда разговаривали). Я не знаю, почему решил украсть именно это, просто привык полагаться на интуицию. Она меня еще никогда не подводила.

Еще в интернате, готовясь к побегу, я сделал на ободках разноцветные розочки из лент. Это было несложно, я всегда любил делать что-то руками, а ленты меня всегда завораживали. Мягкие длинные цветные струйки я нанизывал на нитку и складывал в бутоны. Иногда они получались плотные, как будто сейчас лопнут, а иногда почти распущенные, с легкими лепестками. Но даже просто в пакете с заготовками ленты оставались красивыми: цвет их всегда был чуть темнее внутри и светлее снаружи, и, закручиваясь спиралью, они переливались. Я бы использовал их везде: в одежде, в украшениях для девочек или для комнат. Эх, пожалуй, я мог бы стать великим дизайнером. Но для начала я решил, что должен стать великим путешественником.

Москва Ярославская — Сергиев Посад (платформы Лось, Заветы Ильича, Правда поезд продлеует без остановки)

Я уже был голоден, когда шел по длинному первому вагону поезда с конечной станцией Сергиев Посад. Руки тряслись от страха, я боялся задеть кого-то из стоящих пассажиров или натолкнуться в тамбуре на контролеров. Перед собой я крепко держал два своих ободка. Один я сделал с синими и розовыми цветами, которые прикрепил к ободку зеленой лентой, а второй был с мелкими оранжевыми, красными и фиолетовыми шариками — я подсмотрел эту технику на одном из уроков технологии, куда меня иногда пускали. Практически никто не обращал на меня внимания. Иногда я подозревал, что могу стать невидимым.

Солнце освещало правую сторону вагона, и тени пассажиров превращались в вытянутые кабачки и стручковую фасоль. В середине вагона было открыто окно, и я почувствовал, что мы удаляемся от Москвы, потому что ветер стал задувать запах лип и теплой земли. В конце вагона воздух не проветривался, там пахло жженым железом и немного пролитым пивом. Здесь покачивались спящие седые. Один дед вдруг резко опрокинул назад голову с открытым ртом, как

будто собираясь проглотить висящий над ним пакет. От этого женщина рядом, вздрогнув, оторвалась от книги, посмотрела в сторону спящего. Кажется, тоже заметила пакет и улыбнулась.

Я все думал, как привлечь хоть чье-то внимание. Набрал воздуха побольше и выдавил его животом вверх. Это всегда работало, если нужно было окликнуть кого-то в длинном коридоре интерната, подействовало и сейчас: один скучающий мужик с опухшим лицом покосился на меня. «Нет, неприятный тип», — шепнул мне внутренний голос. За ним две толстые школьницы в блузках — белая ткань застряла в складка их животов — с испугом сразу повернули ко мне головы. Я протянул им ободки, лица их сделались еще круглее, и они сразу отвернулись к окну, но как только я прошел дальше, начали оглядываться. Не нужно иметь на затылке глаза, чтобы это почувствовать. Подняла голову и та женщина. Неморщинистое, гладкое лицо, а в уголке рта — родинка. Она просветила мою голову взглядом, наклонилась, чтобы увидеть меня целиком, когда я поравнялся с ней. Да, зрелище не из лучших, знаю. Я был в своих старых, где-то затертых землей джинсах, с большой заплаткой на колене. Ее я пришил после драки с Безымянным из-за того, что он обозвал меня выскочкой. Потом еще долго все обсуждали его рассеченную губу. Футболку перед побегом я надел свежую, но она полиняла пару лет назад, а в такую жару сразу стала вонючей — запах мыла я перестал чувствовать еще на вокзале.

Вот она посмотрела на меня и протянула ладонь — чистую с розоватыми подушечками и длинными пальцами. С утра она мазала их кремом, кожа чуть-чуть лоснилась, и я различил запах розы.

— Сам, что ли? — спросила она, касаясь каждого цветка.

Я кивнул.

— Люблю розы.

«Знаю», — подумал я и улыбнулся.

— Продашь оба?

Ого! Я офигел от счастья. Все эти безучастные кислые лица, которые рассматривали меня, а не мои ободки, пронеслись в голове. Я запомнил их всех и каждому мысленно сделал фигу. Я кивнул.

— А сколько они стоят?

Пауза.

Красава, продавать было офигенной идеей, а за сколько? Десять, двадцать, пять тысяч? И сколько мне нужно, чтобы добраться до моря? Десять, двадцать тысяч, миллион? И как этот миллион выглядит? Нет, конечно, у меня были расчеты. Я планировал покупать ободки в журнальных киосках, а продавать — в два раза дороже. Но «в два раза» — это сколько?

Она ждала. И я показал ей два дрожащих пальца и указал на один.

— Спринт за двести! — активно артикулируя, радостно спросила она. Я кивнул.

Ясно дело, она поняла, кто я, но такое отношение тоже не очень приятно, я вполне умею понимать по губам, для этого необязательно шевелить ими, как будто я даун. Но обижаться было не время.

Тут рядом с ней оживился тот старик, который все это время так и спал с откинутой головой. Он поморгал глазами, глянул в окно, на женщину, на меня, на ободки в ее руке и близоруко сощурился на проход. Старик двигался, как неповоротливая коала, рассматривая свои брюки и щупая карманы. Рот его при этом постоянно шевелился. Тут в его костлявых пальцах мелькнул белый листок. Он вытянул его и расправил на колленке. Билет! Я резко обернулся и увидел в ряду от себя двух контролеров. Они стояли спинами к друг другу и тянулись в разные стороны к пассажирам у окна. Вдвоем они были словно осьминог с четырьмя щупальцами, который готов был меня сожрать! Я обернулся в сторону другого выхода: облокотившись на стеклянную дверь, там стоял охранник. Окружили. И как я их не заметил? «Бдительность врага можно усыпить отвлекающими факторами», — довольно сказал в голове Урод, который это наверняка подстроил. Я взглянул на женщину. Хватать ободки и бежать сейчас? Но ведь она хотела купить оба. А покупать билет на что?!

Все это время она внимательно следила за мной. Я в нетерпении протянул руку, начал кивать ей и трясти ладонью, чтобы она поторопилась. Нечаянно от волнения опять выдавил из себя воздух, и она вздрогнула, засуетилась, достала из цветного пакета коричневый кожаный кошелек. Ободки она все еще держала в руке. После холодных мурашек совсем близко я ощутил сладкий запах пота и укладочного лака. Ноги подкосились, и я сел напротив женщины, не оборачиваясь. Из-за моего плеча в ту же секунду выплыла толстая рука, за которой потянулся белый рукав блузки, синяя безрукавка, черная набухшая сумка. Дед откупился от руки своим билетом. Быстро рука шмякнула его на автомат с кнопками, чиркнула по нему ручкой. Потом она проплыла, отдала проверенный билет старику и замерла в ожидании напротив женщины. Та, наверное, что-то проговорила и достала из кошелька деньги. Я сидел, вжавшись в скамью, и сердце билось в мою грудную клетку. Все пропало, они снова запрут меня. Я не хочу возвращаться обратно. Я не хочу больше видеть его.

Тут крепкий запах контролерши чуть развеялся. Из окна прорвался ветерок. Я поднял голову и увидел широкую спину в синей безрукавке. Она стояла уже в следующем ряду. А меня просто не заметили. Я невидимый? Я реально могу становится невидимым!

Напротив все так же сидела женщина с родинкой, которую она уже успела спрятать в ухмылке. Она оза-

боченно посмотрела на меня и протянула фиолетовую бумажку с купленным билетом.

— Держи. Это без сдачи.

Вот это атас! Я развернул ее — в глаза ударили обведенные жирным пять ноль ноль. И я растрогался до шишучки в глазах — я еще всем задам в этом большом мире! Интересно, она одна такая в вагоне? Или каждый в душе добряк и поступил бы так же? Стоп, или ей что-то от меня нужно? Женщина, все еще держа ободки в руках, наклонилась ко мне, ведь я все еще сидел напротив нее, как истукан.

— Я подарю твои ободки своим дочкам, Аните и Лолите, одной сейчас пять, а другой девять, — четко проговорила она. — А тебе?

Ага, у нее семья. А на что ты рассчитывал? Что она купит тебе билет, а потом заберет домой, даст пирожки с теплым молоком и уложит спать в чистую постельку? Еще чуть не разревелся перед ней, а теперь она увидела, что ты мелкий, и попытается выпытать, почему ты один.

Деньги были уже у меня. Я быстро вскочил и уже хотел проскользнуть в проем, но она схватила меня за руку.

— Где ты живешь? Сколько тебе лет?

У нее была мягкая, приятная кожа. А моя была похожа на древесный гриб. Но из-за ее прикосновения я начал размокать, как будто меня кинули в горячую воду. Держала она мягко, но крепко, вопросительно. Я всегда различаю цель, с которой меня коснулись: разбудить, позвать, показать, наказать. Она ждала моего ответа, сигнала, что мне нужна помощь, тогда, я видел это по ее позе, она тотчас начала бы что-то делать. Урок после драки с Безымянным я вспомнил быстро. Схватили за кисть, выворачивая руку в сторону большого пальца — один он слабее, чем четыре других. Так и сделал.

Мне ведь правда нечего было ответить ей на вопрос, где я живу.

**Сергиев Посад — Москва Ярославская / Ленинградский вокзал...
Каланчевская — Шаховская / Москва Казанская — Луховицы**

Я уже несколько дней разъезжал на электричках. Трижды доезжал до конечной станции, выходил в незнакомый город, когда было светло, делал новые ободки и покупал себе еды. Если был вечер, как вчера, то я пересаживался на электричку в другом направлении и ехал обратно. В ночных поездках я спал. Сначала было непривычно: поспать получалось что-то около двух-трех часов, потому

что потом обязательно кто-то будил или прогонял. Поэтому сегодня я заснул в зале ожидания на Ленинградском вокзале прямо посреди всех его запахов: горячей кукурузы, туалетов, пива, пота. Умылся уже в электричке от Каланчевской — она была повышенной комфортности, в расписании такие стояли с зеленой пометкой. Заработанные деньги отложил в тайный карман. За эти дни в него, пришитый к штанам с внутренней стороны, сложил где-то шестьсот рублей, только не одной, фиолетовой, а бумажками разных цветов.

Я усвоил, что должен быть настороже: в начале и в конце вагона проверять, нет ли контролеров. Нужно, чтобы нас разделял вагон, тогда легко перебежать на остановке в предыдущий и улизнуть (так делают очень многие). Я также заметил, что на центральных станциях везде стоят турникеты, но каждый раз, где бы я ни вышел, узенькая цепочка людей, как муравьи, вела куда-то в сторону: к широкой дырке под забором или по путям к спуску с моста, где уже лежала деревяшка или камень, чтобы удобнее было прыгать. Никто не знал, кто это сделал, но все пользовались. На Каланчевской такой ход был у граффити с бело-синими красными буквами «ЖИЗНЬ».

Моя цель — накопить достаточно денег и однажды пересечь на поезд дальнего следования. Здесь я всегда находился в опасности — кто-нибудь из интерната точно начал бы меня искать. Поэтому я решил не тратить много денег, часть откладывать, а на остатки покупать еще ободков. Ленты быстро заканчивались, поэтому их тоже пришлось искать. На те первые пятьсот рублей от Феи (так я прозвал ее) я сразу же купил десять дешевых ободков в Сергиевом Посаде. Начинать свой бизнес с обмана, украв ободки и ленты, конечно, было не очень правильно, но что я мог сделать? Зато теперь я вел свое дело честно.

Ободки покупали. Я просто умирал от желания посмотреть на лица Безымянного да и всех остальных ребят, если бы они увидели меня здесь. Моя молчаливость была мне только на руку. В электричках было много торговшей и много попрошаек. Часть из них я потом видел у «Продуктов» на вокзале, они пили водку или пиво, ели и совсем не были похожи на калек. Я боялся встречаться с ними лицом к лицу, но заметил, что если я шел после них, люди охотнее покупали мои ободки. Я сразу решил действовать не как они, а по-другому.

Только войдя в вагон, я уже сразу видел людей добрых, скучающих или раздраженных и усталых. Кто-то даже не поднимал глаз от телефона, кто-то, наоборот, с интересом начинал меня разглядывать. Я изучал каждого, больше всего женщин. Какая-то одета официально, но сумка или лак на ногтях чаще всего яркий, а какая-то сама вся в пестром. Женщин с маленькими

девочками я считал подарком. В общем, подходил к их ряду и выбирал из ободков, которые висели на руке, тот, что мог бы им понравиться. Они отворачивались, подвигали ребенка к себе, но я улыбался им, кивал и показывал листок. На нем я с ошибками написал: «Здравствуйте. Хорошей вам дороги! Эти ободки я сделал сам». Если они начинали говорить, то показывал, что не могу им ответить. Я угадывал их любимые цвета, и многие крутили ободки в руках и покупали. Я назвал свой прием «индивидуальный подход к каждому клиенту» — как на надписи, которую я прочитал на огромной рекламе банка.

Но в тот вечер я испугался по-настоящему, не так, как боялся застрять в темном углу на чердаке интерната, съесть червяка или потерять все заработанные деньги. Я испугался так, что потом челюстью чуть не прикусил язык, потому что дрожал и захлебывался от слез.

Было уже около девяти часов вечера. Я собирался доехать до станции Луховицы по Казанскому направлению. На улице было тепло, поэтому я думал поспать пару часов в электричке, потом еще на платформе под навесом и, может, еще немного в поезде на Москву. Я не торговал ночами, пассажиры были сонные и многие не очень приятные. Ночами я старался высыпаться. Мне нравилось спать в электричках: не было никакого хаоса перед глазами, и лишь головы спящих синхронно покачивались. «В Африке люди могут жить внутри баобабов, такие они огромные», — рассказывал Безымянный. Он вообще обожал Африку, в особенности Эфиопию. «Ты знал, что это единственная страна, которая не была колонизирована? Эфиопы всегда давали отпор», — восторженно говорил он. Мне кажется, он знал об Эфиопии все. Я ехал в вагоне и, засыпая, представлял себя в эфиопском баобабе.

На платформе было много народу. Электричку ждали уже полчаса, а следующая должна была пойти только через полтора. Только что прошел весенний дождь, асфальт был под тонким слоем воды. В нем плавало розовое небо. Под навесом стояли черные фигурки, крупные, как ладьи и слоны, с круглыми головами, как король с королевой, и пару мелких пешек. У платформы было два пути, и большинство фигур скопилось у первого — они как будто перевешивали платформу и собирались вот-вот ее перевернуть. Я чувствовал влагу в воздухе, на мокрой щетке у рельс, на моей одежде. От прохладного ветра поднялись волосы на руках и занемели пальцы.

Поежившись, я обернулся и напоролся на злой взгляд исподлобья. Я узнал его, это был полоумный хромой, который продавал в электричках журналы и газеты. Он таскал их целыми стопками, что-то про красоту, авто, кроссворды и советы для садово-

дов. С его произношением было что-то не так, поэтому что я никогда не мог прочесть по губам, что конкретно он говорил. И люди редко что-то покупали у него. Я видел его уже несколько раз и каждый раз боялся встречи. Он останавливался в тамбуре, и пока я продавал ободки, глядел на меня своими косями глазами, щурился и шевелил губами. Один раз он, завидев меня, ринулся мне навстречу, а когда поравнялся, то с непроницаемым лицом больно толкнул плечом, как будто меня не заметил. Кажется, он меня ненавидел.

Мы ехали уже около часа. Я шел, протягивая вперед ободки, и никак не мог понять, что меня так беспокоит. К моему затылку будто приклеили тяжелый горячий утюг. Я оборачивался каждую минуту, но не выхватывал ничего подозрительного. Меня уже начали раздражать даже ободки, болтающиеся на руке, — ни одного не продал.

Захлопнув раздвижку и оказавшись в тамбуре, я заметил, что у дверей спиной ко мне стоят двое мужчин. Я рассмотрел только их широкие спины, когда тянул дверь, чтобы перейти в другой вагон. И не успел я еще полностью открыть ее, как внутри мелькнули острые глаза, и на меня выпрыгнул Хромой. Он с силой толкнул меня в грудь, и я полетел прямо в объятия двух теней, которые стояли уже ко мне лицом. Их жесткие немые много дней руки, как я понял по запаху, сцепили мне плечи, а Хромой подошел и вмазал мне прямо в лицо. Я оказался в глухой темноте, в своем самом большом вселенском страхе.

Конечно, мы в интернате знали, что отличаемся от большинства людей. На биологии нам рассказывали про органы чувств, про то, что другие могут без жестов понимать сигналы, им необязательно прикасаться, чтобы позвать друг друга. Но думать об этом было так же тупо, как и о том, как Иисус ходил по воде. Я бы тоже попробовал, но одежду бы сначала снял — зачем зря намочать, если все равно не веришь в успех. В интернате мы не чувствовали себя обделенными. Большинство не чувствовало. Я же еще в шестом классе начал задумываться: «Почему если они твердят нам, что там за забором не страшно, нас туда не отпускают? Почему я не могу сходить в цирк или супермаркет?» Мы учились читать по губам, но между собой общались жестами, хоть это не очень приветствовалось. Были в интернате поварахи из столовой и охранник, которые не знали нашего языка. Но и мало говорили. Я пытался узнать у них про их жизнь, писал им записки, но они отвечали редко, а если отвечали, то банальности.

Когда я решил, что сам хочу побывать на воле, то понял, что нужно молчать. У нас было много стукачей. Но Безымянный был не такой. Я проговорился ему, когда мы забрались на чердак и молча сидели, фонарем подсвечивая старые кровати, шкафы и тряп-

ки. Я часто думал, кто был тут, когда это была еще не грудка хлама, а новенькие вещи, и куда все они делись. Это было «наше» место, тут мы могли перекинуться парой записок о еде в столовке, драке во дворе, а один раз даже об Уроде (на чердаке мы общались перепиской, потому что в темноте было сложно различать жесты, а светить фонарем в лицо — неприятно). «Вчера историкан оставил после уроков Димона», — написал Безымянный. Я почему-то вспомнил про печенье, которое Димон прятал под подушкой. Мне нечего было ответить. Раньше Урод оставлял лишь старших ребят, всегда самых жалких и нелюбимых. С историей у них были проблемы. Димон учился плохо, но был из мелких. Из моей комнаты.

— В Африке, если старшая сестра не рождает, то муж берет младшую.

— Сам? Типа насильно?

Безымянный смутился.

— Ну им ок. Это традиция.

Упоминания Урода и африканских нормальностей меня как-то взволновали, но потом мне стало приятно, что Безымянный делится своими мыслями со мной. Поэтому я решил и в ответ написал: «Убегу».

В тот день Безымянный назвал меня идиотом, но согласился помочь придумать план, а в конце написал: «А в Корее едят собак». Наверное, он имел в виду, что в Корею мне лучше не соваться.

Мы встречались на чердаке и думали, куда я могу поехать. Это Безымянный помог мне с идеей, чем я могу заработать.

— Что ты делаешь лучше всех? Что-то руками.

Но позже, чем чаще мы встречались на чердаке, тем грустнее становились его факты и злее становился сам Безымянный.

«Ты кидаешь своих и идешь к **ЭТИМ**, — однажды написал он мне. — Они не друзья нам. Ты вот знал, что границы Африки такие прямые, потому что это были колонии и их просто по линейке разделили на карте? И рабов там угнетали».

При чем тут рабы, Африка и мой побег? Почему и Безымянный туда же?! Зачем они все так различают нас? Делят на «оттуда» и «отсюда»? Наши няньки и учителя — нормальные люди «оттуда», и они понимают нас.

«Им за это платят», — писал Безымянный коряво, причем буквы «м» и «т» у него получились одинаковые, поэтому я сначала даже не разобрал.

Вот если бы у такого умника, как Безымянный, была карта с пьльдой, то он никогда бы в жизни ничего на ней не стер, сколько бы фактов он ни знал!

«**Ок!** — продалил я жирно на листке. — Как я был зол на него в этот момент. — Что будешь делать, когда будет **пора?**» — Я написал и подчеркнул это слово два раза.

Он уставился на мой вопрос, и я даже решил, что он заснул. Грудь его практически не поднималась.

— Не знаю, — пожал он плечами и скомкал бумажку.

Отношения наши испортились. Он злился на меня за то, что я знаю, что буду делать. Этот Безымянный, который знал все на свете. Перед тем как мы подрались, он выкатывал глаза и махал руками, как ошпаренный: «Все будут тебя ненавидеть. Ты калека». Естественно, я ему врзал. Я докажу ему, что это не так.

Выходит, Безымянный был прав? Я барахтался и цеплялся за качающуюся электричку, чувствуя теплую кровь во рту. Куда меня несло, я не видел. Как и того, что говорил Хромой, склонившись надо мной, если вообще что-то говорил. Он такой же калека, он такой же Урод. Фея спрятала родинку, по-доброму ухмыляясь. Безымянный скомкал белый лист. Я нащупал шелковую розочку на ободке и открыл глаза — в тамбуре никого не было. Нет, я не останусь в темноте.

ГЛАВА 2

Москва Курская — Щербинка (платформу Битца поезд проследует без остановки)

Из вещей, которые я бы взял в поезд дальнего следования, кроме карты моих пригородных путешествий, непременно были бы спички. Лет с пяти я все время таскаю их с собой. Не чтобы что-то или кого-то поджигать (хоть и охота иногда), а просто чтобы быть уверенным, что не останусь в темноте, если не захочу. Темнота пугает — в ней я беспомощный. Всегда один. Бывает, ночью я лежу на кровати, но не чувствую этого. Пытаюсь нащупать пальцами предметы, но их нет, — вокруг полное ничто. Единственное, что я всегда могу найти в кармане — это коробок. Уже просто сжав его, чувствую уверенность. Чирк, и вот они — комната, кровать, мое тело. Но чаще всего я спички даже не зажигаю, а просто кручу в руке: коробок или каждую по отдельности. «В эпоху палеолита без них не выжили бы», — по привычке отбивался я от Безымянного, который любил светить мне в лицо маленьким фонариком и докапываться, че я их не выкину. Этот брелок, кстати, первый нашел я, но он мне совсем не понравился: светил голубоватым светом и на ощупь был всегда холодный, поэтому я и подарил его Безымянному. В конце этого нашего спора «спички против фонарика» он всегда цокал и на мой аргумент говорил, что «палеолит» от слово «палево», а я со своими спичками когда-нибудь

«спалью». При этом он махал руками так, что фонарь устраивал лазерное шоу получше, чем в «Звездных войнах».

Мне стало не по себе от мысли, что я больше никогда не увижу Безымянного. Я открывал коробок и рассматривал головки серы. Отштампованные на заводе, спички были одинаковые только на первый взгляд. Закрывал и снова открывал, оставляя узкую щель. Под дверью Урода тоже была щель, а в ней — свет.

В тот вечер я, как всегда, слонялся по пустому этажу и заглядывал в классы. Перегородки между ними и коридором были наполовину стеклянные, а наполовину фанерные. На ощупь они были в выпуклых подтеках, потому шершавые. Я думал, что как-то не верится, что по этому пустому чистенькому коридору днем носятся толпы наших. Даже большие листья растений в классах, что были видны за стеклом, если встать на цыпочки, казались искусственными.

Слонялся я только для вида, а на самом деле шел в кабинет технологии, чтобы взять еще лент для побега (украсть сразу целый моток боялся, поэтому каждую ночь отрезал по кусочку от разных лент). Я знал, что технологичка хранит ключ под горшком у входа, потому что не любит заходить в учительскую с утра. Она не любила взрослых. Или просто стеснялась с утра своих мешков под глазами.

Линолеум в коридоре был весь в разводах от мокрой тряпки уборщицы. Она развела очень красивый узор, за которым я следил глазами, двигаясь вдоль стены. Тут-то я и споткнулся о свет под дверью. В тот вечер я не вытащил ключ из горшка и не зашел в кабинет технологии, а убежал.

Я закрыл коробок. Сейчас зазвонит телефон. Я почувствовал волны и усталился на карман мужика, который сидел напротив. Прошел день с того момента, как меня ударили в тамбуре, и ничегошеньки хорошего не случилось. «В жизни черная полоса, затем обязательно светлая», — любила говорить технологичка, которая и шить любила полосками. Брехня. Губа болела, хотя кровь уже и не шла. Пассажиры в электричках на меня косились, и я не продал за день ни одного ободка. Если эти уроды еще раз ко мне сунутся, я их сожгу.

Мужик напротив вздрогнул и полез в карман. Достал и чуть не уронил вибрирующий и вспыхивающий экран телефона. «Лучше б уронил, — подумал я. — Или не! Лучше бы мне отдал». А что? Один раз вытащить из кармана такой вот айфон и смотаться отсюда. Я же начал бизнес с кражи. Так и закончу.

А вот в детдоме сейчас отбой. Воскресенье. Пахнет постиранным бельем. На батарее засыхают футболки с подтеками от мыла, которое нам всегда в лом смыть. Под подушкой Димона пахнет печенью. Он един-

ственный из нас, кто помнит мамку. Она сама привела его лет в восемь, из-за этого он часто злится. Говорит, что тем, кто ее никогда не видел, как нам, легче. Димон обычно засыпал на вздутой подушке, а с утра кровать была вся в крошках. Но это до того, как Урод взялся его воспитывать. А как бы ты повел себя на месте Димона? Ведь это стыдно. И как это объяснить?

К концу недели в комнате станет пахнуть привычнее. Все няньки будут зажимать нос и смешно бежать к форточке. Этот особый вонючий запах был нашим главным козырем — он отпугивал всяких, кого мы в комнате видеть не хотели. Девчонок там. Но сегодня воскресенье — стирка, уборка, и белье на ощупь жесткое и картонное. Отыскиваю коробок. Сколько внутри? В детстве я представлял, что это целая семейка, какой-нибудь загородный дом, и на праздник набилась целая куча родственников.

Кажется, я начал клевать носом, поэтому помотал головой и уставился в окно, чтобы рассмотреть, где мы. Как будто в густом лесу. Тайге. Так темно, что вместо нее в стекле были видны только вагон и люди. Даже не замечают, что я слежу за ними. А что если это и не люди живые даже, а экран с фигурками, и я в вагоне один?

Тут меня пробрало холодом. Я перестал моргать (да, у меня есть суперспособность — на спор могу не закрывать глаза целую вечность). Одно лицо смотрело. Прямо на меня. Огромные белые глаза, в которых блестели черные пуговицы. Глаза тоже не моргали. Кроме них на лице ничего. Как будто это и есть темнота.

Поезд дернулся. За стеклом все побелело, электричка на скорости резко подъехала к освещенной платформе. Глаза дернулись тоже. В шоке я обернулся. Человек двигался к выходу, но перед тамбуром повернул ко мне свое полностью черное лицо и оскалился. Может быть, это была добрая улыбка, но она была одна на его лице вместе с блестящими белками глаз, и это выглядело жутко. Вау! Негр! Живой! Вылитый эфиоп!

Я моментально выбежал за ним на платформу, и двери захлопнулись. Электричка подумала, завибрировала и тронулась. А он уже шел против движения, и люди обтекали его с двух сторон, а затем налетали на меня. Я задел сумку какого-то мужика так, что она слетела с его плеча. Да я бы даже не заметил, но он успел толкнуть меня в ответ. Я обернулся и увидел, что мужик плюется словами типа «ишь», «малаявка», «прешь». Люди стали оборачиваться. Я испугался, что негр заметит нас, и быстро рванул подальше от этого мужика. Так рванул, что чуть не свалился на рельсы. На секунду даже потерял спину в кожаной куртке, но потом отыскал — негр спокойно, засунув руки в карманы, просачивался сквозь людей. Никто не подавал

виду, что видит что-то странное. Хотя он шел к ним лицом!

Мы по мосту перешли пути и спустились в город. Я шел за ним на расстоянии, останавливаясь у ларьков с шаурмой и самсой, как бы собираясь что-то купить. Джинсы на нем висели длинные, по идее, думал я, они должны были задевать землю, но отчего-то не задевали. Негр-призрак. Мне повезло! Может быть, его вообще вижу только я?! Как наблюдательный человек, я заметил и еще одну деталь. Почему он так тепло одет? На нем была объемная кожаная куртка, хотя на улице было градусов пятнадцать.

Мы шли по освещенной улице мимо пятнистых высоток. Один дом среди них внезапно оказался кислотного цвета, такого же, как кожа у зеленых чело-вечков в комиксах. Но мы, странное дело, прошли мимо. Людей и фонарей становилось все меньше. На повороте в переулок призрак вдруг остановился и повернулся в пол-оборота, пряча от ветра зажигалку. Я успел разглядеть его белые ладони, перед тем как огонь потух. Может, это все типа утренника с переодеванием? Мне показалось, что он постоял чуть дольше, чем нужно, но потом, засунув руки обратно в карманы, двинулся дальше.

Так мы свернули в совсем другую часть города. Я это понял по низким домам, в окнах которых практически нигде не горел свет. Зброшенные темные двухэтажки — одна точная копия следующей. И следующей. Мы прошли мимо корявой площадки. То тут, то там вырастали из темноты большие деревья. Куда же он может идти? Никаких вибраций, даже шагов моего призрака, я не ощущал. Я терпеть не могу темноту, но тогда страха не было. Я сжал в кармане коробок. Интуиция вроде молчала.

Я отстал от него и не заметил, куда он свернул. Дойдя до последнего дома, я увидел раскачивающуюся дверь и забежал внутрь. Перепрыгивая ступеньки, задышавшись, я добежал до второго этажа. Где-то в квартирах были движения, но вибрации ускользали, и в итоге я остался один в темноте подъезда. Все.

Ну конечно, зачем ему заходить в кислотно-зеленый дом, если кожа у него черная! Такой райончик лучше подходит. Пахнет плесенью, а жопе холодно на ступеньке. Теплее рядом с горячей, ай, сильно горячей трубой. Рядом с ней и не так грязно. Зря я делал вид, что покупаю шаурму, надо было реально купить! Жрать охота. Но я бы его упустил. Все равно упустил! Зараза. На фига я здесь? В доме с призраками, ха-ха.

Где взять денег, чтоб сразу много. За пятьсот рублей до океана не доедешь. Сколько там ободков еще? Черт, молния заедает. Один, два, вот этот особенно удачный. Ленты. Мягкие. Короче, пять. Утром в ларек, сделаю побольше, надо быстрее. Засиделся. Ай, затекла. Горячая! Где я? В Москве?

У стояка было тепло, и я, кажется, заснул... сидя на короточках в длинном темном коридоре. Справа много-много дверей, и все они закрыты. За окном серый туман, хоть глаз выколи, ничего не видать. У меня в руках мокрая половая тряпка. От нее воняют руки. На ней грязные катышки и длинные волоски, потом они остаются на моих мокрых пальцах. Я хочу домыть до дальнего темного угла, но сколько ни тру вздутый линолеум, ближе не становлюсь. Тут я понимаю, что справа от меня перед белой дверью кто-то стоит. Я вижу его боковым зрением. Дверь закрыта, но он стоит к ней лицом практически вплотную. Я могу узнать его, пытаюсь, но боюсь повернуть голову. Тут он начинает снимать обувь, стягивает кофту. Я хватаю ботинок, что он отбросил, ползу дальше. Хватаю второй, но это оказывается шлепок Димона. Я загребаю и его. Коридор почему-то наклоняется, и я начинаю медленно сползать по скользкому полу. Нет, нет! Ползу быстрее к углу — он теперь выглядит безопаснее, чем бездна сзади. Не оглядываясь, я чувствую ее затылком. Там кто-то есть. На пути попадает еще какая-то тряпка. Я подношу руки к глазам, кожа на подушечках пальцев вздулась от воды. Узнаю розовую футболку Близняшки. Кажется, я уже не ползу, а карабкаюсь по отвесной скале, вижу разбросанные на разных выступах вещи моих детдомовских. Поднимается такой ветрище, что я чуть не падаю вниз, но удерживаюсь на одном отступе. Рядом вижу джинсы Безымянного. Я узнаю их по заплатке на коленке. Где он? Начинаю оглядываться: я на высоченной горе, облака подо мной, и страшно даже приблизиться к краю. Вжимаюсь в скалу, чувствую, какая она ледяная, но в скукоженных пальцах все равно пытаюсь удержать джинсы Безымянного. Он что, в бездне? И тут вдруг скала сзади ка-ак дрогнет, и я падаю спиной вниз. Кричу, но не разбиваюсь. Ничего не чувствую, полностью темно. К горлу поступает панический страх, уже такой знакомый, легкоузнаваемый. Но тут вижу огонь. Он жжется, как будто я поднес спичку к самому лицу. Вот они, вот все мои. Сидят у костра, все почему-то голые, и смотрят на меня. Безымянный сидит на земле и держится за коленки. Я бегу, хочу протянуть ему джинсы, но понимаю, что у меня их нет. Смотрю на свои руки, спички вместо пальцев. Поднимаю голову, и тут за спиной Безымянного вижу его. Его усы подпалены костром. И волосы на груди. Я не вижу его одежды. Ее нет.

Сквозь сон я почувствовал, что кто-то поднял меня. В нос ударил запах мужского тела: пот, смешанный с запахом новых журналов. Потом меня опустили на что-то жесткое. Я подумал, что это часть сна. Но сразу после мне представилось уже другое: светило солнце, я шел по теплomu песку и под ногами находил разные золотые предметы: кувшин, бусы, статуэтку слона. Мне было тепло, и страх прошел.

Наутро я проснулся не в подъезде, а в квартире. Меня не расчленили и не продали на органы. Рюкзак лежал под головой, а сам я на ковре из колючего сена. Пахло довольно необычно: запах печатной краски смешивался с каким-то неизвестными мне, но яркими специями. Вся комната было завалена пакетами, коробками, некоторые из которых были покрыты простынями. Вместе они сливались в одну большую холмистую поляну. Между ними была прорыта узкая тропинка к балкону и к моему углу.

Я оказался в квартире того самого призрака, который теперь пристально смотрел на меня с фотографий в рамке, что стояли на тумбе. Они на плетеной салфетке были единственным чистым островком без пыли. На одной фотке на оранжевом песке рядом с Призраком стоял огромный мужчина в льняных штанах, женщина в цветастом платье и еще несколько подростков — две девочки, одна чуть выше другой. Призрак и девочка повыше были одеты нарядно и держались за руки. За ними на фотке было здание с деревянным крестом.

Приподнявшись на локтях, я заметил, что штора — вся в ромбиках из разной ткани — дергается на фоне пасмурного неба. Да, штора танцевала, если не сказать, плясала. Я выглянул из-за пакетов и увидел, что под ней сидит девчонка. Она не отрывала от меня огромных карих глаз, такого же цвета, как ее кожа. Опять белки показались мне единственным ярким пятном на всем лице. На затылке у девчонки был полосатый, как зебра, платок, и отчего-то он не спадал, хотя череп ее был гладкий, как бутылка пива.

Кажется, она решила играть со мной в ту же игру, что и Призрак. Мне было плевать, надо было выбираться отсюда, пока меня реально не расчленили. Медленно вставая и поднимая рюкзак, я все еще чувствовал ее взгляд. Она меня как будто раздевала.

Я решил ей махнуть. Больше для того, чтобы отмахнуться от ее пристального взгляда. И вдруг ее словно включили. Девчонка рванула из своего угла в мой, ловко огибая все пакеты. Она широко открывала рот и задирала руки так, что по ее черной коже побежали бусины и фенечки. Подбежав вплотную (мне от неожиданности быстро пришлось с ногами забраться обратно на сено), она двумя ладонями схватила меня за щеки и потянула кожу в разные стороны, постоянно что-то говоря сквозь оскаленные белые зубы. Я не мог прочитать ни слова. Мне стало до слез обидно и, между прочим, еще и больно. Я с силой отпихнул ее, так что она упала на пакеты, и побежал к выходу. Кажется, я обо что-то споткнулся и упал. Слезы подступили к горлу. Какая противная заноза, высокомерная выскочка! Она небось решила, что старше меня и может вот так со мной играть. Да ничего подобного!

В дверях кто-то встал и отбросил тень. Фигура плавала в каплях, вытягивалась и сжималась. Я моргнул, и на пол упали две большие слезы, пыльный, он стал чище в двух местах. На колени передо мной опустилась женщина. Она была словно статуя, вырезанная из дерева. Тоже черного, но тут я уже перестал удивляться. Прямые брови, скулы, нос, который лишь на конце был широкий. Что-то было общее у нее с этой выскочкой и... Ну конечно! Две девчонки с фотографии, одна поменьше, а другая повыше... Сестры. Она протянула мне ладонь. Смешно, ее кожа на тыльной стороне была тоже белой, как у Призрака. Я вспомнил картинку со слонами, которую любил рассматривать Безымянный. То ли потому, что они пачкались в пыли, то ли потому, что стирали о камни свою серую кожу, ступни у них тоже были светлые. А ведь люди должны жить там же, где и все слоны. По идее.

Гадкая девчонка уже встала и теперь с безучастным видом поправляла платок. Ладонь женщины оказалась теплой. Ни слова не говоря, она потянула меня за собой. Держась, как за хобот слона, я тащился за ней по заваленному хламом коридору. В квартире было еще две комнаты. Дверь в одну была открыта полностью: там на полу в кругу каких-то обрезков сидела старая африканка. Она подняла голову, но я не увидел ее лица. Другая комната была открыта на чуть-чуть — на стене висел еще один большой деревянный крест.

Хобот притащил меня на кухню. Все там облупилось и отваливалось. В ящик без дверки были свалены ржавые кастрюли и медные сковородки, а на выцветших обоях висели вырезанные старые картинки из календарей: глазастая лошадь, коза в ромашках, обезьяна на ветвях. Сверху был наклеен петух с огромным красным гребешком, на который заезжали цифры два, ноль, один, семь. Похоже на вполне русскую квартиру. Хотя я в квартирах не бывал, могу и ошибаться.

Статуя указала на стул и поставила передо мной болотную кашу из каких-то маленьких кружочков. Сначала она мне показалась очень странной, это уже после я к ней привык. Просто они ели ее каждый день. На завтрак каша была пресная и больше походила на пюре, а на обед кружочки легко отлипали друг от друга и были то острые, то какие-то совсем необычные. Это все из-за красных и желтых специй, что лежали у плиты в пузатых целлофановых пакетах. Ими пахли и руки женщины.

В тот первый день, думаю, они хотели накормить меня и выгнать. Но не торопились. И мне самому почему-то не хотелось уходить. За завтраком все молчали, а каша была густой, как сопля при гриппе. Но я был ужасно голодный. В один момент я даже испугался, что каша закончится, а я не наемся. Но как только

я перестал жадно засовывать в себя ложку, женщина положила рядом кусок белого хлеба с тонким слоем масла. Прямо как на полднике! Я хотел как-то ее поблагодарить, поэтому поглядел ей в лицо и улыбнулся. Ну точно — высокая девочка с фотографии. Только она была уже гораздо взрослее и вела себя здесь как самая главная.

После я не раз использовал свою способность становиться невидимым и подолгу разглядывал, как они ведут себя с друг другом. Например, Статуя (так я про себя называл высокую девочку-уже-женщину с фотографии) могла погладить по голове девочку, когда та сидит спиной, или сама девочка укрывала старуху пледом, когда та засыпала за своим рукоделием. Они любили еще что-нибудь приговаривать друг другу на ушко, и несмотря на то что я не понимал их языка, я все равно догадывался по улыбочкам на их лицах, что это ласковые слова. Так это все выглядело приторно-сладко, что становилось противно, как будто мы в каком-то сериале про идеальную семью.

Я доел хлеб с маслом, встал и пошел к выходу. Оказалось, Статуя и девочка пошли за мной. Уже в прихожей я подумал, что невежливо так просто уйти, снял рюкзак и достал один ободок. («Так ты ничего не заработаешь, — подумал я тогда. — Но они вроде добрые люди, может, с черных начнется белая полоса?») Я протянул его девочке. Да, он удался, ленты были персиковые, а белые розочки получились как настоящие. Она медленно взяла его в свои светло-бежевые ладони и начала рассматривать. Забавно, что она уже не была похожа на ту агрессивную девочку — держала спину прямо и двигалась спокойно. Подражала Статуе. Девчонка потрогала каждую розочку, вопросительно посмотрела на нас и вдруг убежала с ободком в комнату со старухой. Ясно, ни спасибо, ни красиво, молодец. Я шагнул к двери, но Статуя взяла меня за плечо, и по прикосновению я понял, что она требует подождать. Через минуту из комнаты выглянула девочка и рукой позвала меня. Я заметил, что она вовсе не лысая, как мне показалось сначала, — в ее голову, как по спирали, вращались тонкие косички. Косичка — такое имя я тогда для нее придумал.

В комнате было душно. Прямо как в нашей детдомовской спальне! Меня-то таким не испугаешь, меня так просто не прошибешь, поэтому я не укололся о взгляд старухи, которая сидела в центре в той же позе, что и час назад, подоткнув под себя ноги. Все ее лицо было в глубоких сухих складках. Я представил себе черепаху. Не только из-за кожи. У нее был вдавленный внутрь нос, черные веки и губы (тут-то я понял, что кожа у них у всех совсем не черная, а коричневая). И сидела она в кругу из разноцветных трубочек и тряпок, медленно передвигая ластами, загребая себе

по одной и накручивая ее на толстую иглу. Она замедлилась, когда мы вошли. Позже, конечно, оказалось, что она очень даже скоростная черепаха, что касается плетения. Да я бы мечтал научиться так же!

Она кивнула, и рука сзади надавила мне на плечо. Я сел на пол. За спиной старухи под черным платком я разглядел горб, но точно панцирь. Она сощурилась, показала беззубый рот — и я понял, что она мне улыбается. Никогда не видел улыбающихся черепах.

А после она просто снова начала плести. Только спустя какое-то время я заметил, что в комнате мы одни. Надо было, наверное, встать, взять рюкзак и свалить оттуда. Но она, как будто иглой, пришивала меня к своим обрезкам. Нет, вшивала меня с ними, и мы туго ложились один на другой, куда покажет большая игла. Немного кружилась голова от постоянного вращения, которое становилось все быстрее. Уже. Теснее. Хрясь! Она потянула нитку на себя и закрепила на дне.

Я моргнул и отделился от обрезков. В своих лапах Черепаха крутила неглубокую плетеную корзинку. Не знаю, сколько прошло времени, но я запомнил каждое движение. Мне захотелось попробовать. Но тут я понял, что дверь открыли, обернулся к входу и увидел Призрака.

ГЛАВА 3

Щербинка — Дедовск

Электричка громко свистела сквозь железные перекладины моста. Под нами была Москва-река, потому что остановка, которую мы только что проехали, называлась Москворечье. В обеденное время все расселись по свободным лавкам и не мешали друг другу. Я выбрал место у окна, а напротив опять оказался мужик с телефоном в руке.

Может, все это мне приснилось? Призраки, черепахи, косички... Я открыл рюкзак и нашел те самые ободки с белыми и персиковыми розочками. Правда, немного потрепанные. Я вспомнил, как стоял в проеме Призрак и указывал мне на дверь, как Косичка, подпрыгивая, пыталась зацепиться за его руку и помешать мне выйти, как спустя секунду на лестничную клетку вылетели вот эти мои ободки.

У черных и сердца черные. Хотя Статуя и Косичка — добрые, да и Черепаха, думаю, тоже. Они накормили меня и не хотели, чтобы я уходил.

По привычке я обернулся и проверил обстановку в вагоне. У дальних дверей стоял дед. Он был похож на Шерлока Холмса, но не нового, которого крутили обычно поздно по «Первому», а старого, что так любили включать няньки по выходным на канале

«Звезда», в такой клетчатой кепке. Глаза его были чуть прикрыты, и весь он сосредоточился на том, что широко и неестественно открывал свой рот.

Я опустил голову вниз и принялся переделывать розочки. Надо было снова расплести их и собрать. Вспомнились руки Черепахи и тряпки, которые скручивались в тугие стенки корзинки. Это же был гипноз! Вот бы и мне так научиться делать!

Пытаясь вспомнить ее движения (что если попробовать повторить?), я достал иголку, распустил ленты и начал нанизывать их на нитку. В этом деле главное особо не напрягаться: лепестки ложатся лучше, если не разравнивать их, а сшивать, как пойдет. Тут мужик напротив засуетился, начал щупать свои карманы. И я напрягся... Да нет, правильнее сказать, моментально вскочил. Что, опять?! Только что же проверял...

Ленты упали с колен на пол. Где, где они? Вскочил я достаточно резко, и мужик с недоумением уставился на меня. Я заметил, что дед в кепке медленно приближается к нам, но никаких контролеров ни за ним, ни перед не было. Так он просто так лезет в карман! Я мысленно выругал себя за то, что привлек к себе так много внимания, и нагнулся, чтобы собрать ленты. Исподлобья увидел, как мужик протянул руку с монетами, но дед не остановился. Тогда он, видимо, окликнул его, старик вздрогнул и обернулся в нашу сторону. У него было очень спокойное лицо, а глаза смотрели немного в сторону. Я понял, что он практически слепой.

— А я же не вижу ничего, — как бы подтвердив мои мысли, сказал он. — Товарищ Сталин вот обещал сделать глаз, да жаль, умер... А больше рассчитывать не на кого.

Он протянул вперед немного дрожащую руку, и мужик привстал, чтобы положить в нее монеты. После того как старик поплелся дальше по проходу, мужчина кивнул и обратился к парню с другой лавки:

— Сердце на руке видел? Сидел.

Я знаю, кто такой товарищ Сталин. Он был президентом, когда еще была не Россия, а Советский Союз. Еще я знаю, что полстраны сидело. Урод любил рассказывать про лагеря где-то в Сибири, где трудились, а потом умирали. Он говорил, что все боялись и доносили друг на друга. Не понимаю, почему тогда старик так скучает по Сталину.

Мужик вздохнул и посмотрел в окно.

— Все они теперь на улице. Пытаются хоть что-то на жизнь заработать. Собрать бы их всех в дома престарелых.

Я уставился на его рот. Что-то не очень понял.

— Да, да, и будет им всем лучше, чем вот так, — закивал он и, задумавшись, снова стал смотреть в окно.

Что он имел в виду? Что такие деды должны жить в одном месте, чтобы никого не трогать? А как же их

родственники? Или их нет? Нельзя запирать людей, только если они не такие. И жить тут, в большом мире, как будто их и нет. Мы вот есть. Я спасаю, а там еще Безымянный, Димон, Близняшки... Но всем плевать.

Дедовск — Серпухов (?) (платформы Луч, Авангард поезд проследует без остановки)

Мужик тот скоро вышел, а я поехал до конечной. Сначала мы проезжали речку, воду которой в двух местах задерживали огромные железные ворота. Дальше с другой стороны появилась огромная круглая арена с красными и белыми чешуйками. Пошли совсем другие дома — высокие, тонкие, целые города из разноцветного бетона посреди поля. Везде все рыли, строили, клали провода в землю, а еще периодически мелькали спящие на земле мужчины в кожаных куртках. Вокруг них что-то мерцало на солнце, и я понял, что это разбитое стекло. Сразу за кучами сваленных палок и пакетов появились гаражи. На некоторых были нарисованы баллончиком большие кресты.

А потом резко начались дачи. Запахло костром, прям из электрички были видны женщины на участках и их грядки. Грязюки было также много, но зато появился лес. И солнце замигало через его стволы.

Обеденное время — самое популярное у торговцев. Мимо прошел мужчина с иголками — он всем показывал, как вставлять нитку в суперушко за одну секунду, за ним мужчина с женскими сумками в цветочек, потом женщина с пластырями и другая с огромными пакетами зелени и редиски. Я решил, что не пойду за ними, а лучше доделаю ободки. Тут я даже подумал догнать первого мужчину с иголками, но вспомнил, что не могу тратить деньги на всякие ушки от иголок.

Ехать было недолго. Поэтому спустя часа полтора все вышли на конечной. Дедовск отличался от Москвы, хотя и тут были все те же серо-красные заборы и кассы. Никаких тебе переходов, лавочек, только одна-единственная широкая платформа. Электричка отползает, и через рельсы уже начинается город. Ну как город. Скорее, деревня. Крыши домиков торчат через забор, а их окна, как глаза, подсматривают сквозь щели. А с другой стороны ярко-красное здание «ТЦ ДЕДОВСК» и разноцветные палатки рынка во круг. Тут-то и можно наконец поесть.

Я прыгнул с платформы на пути вслед за целой кучей таких же безбилетников. Один парень помог спуститься своей девушке в юбке, и они пошли вдаль по рельсам, а я пролез в пробитую дырку в заборе за остальными пассажирами.

При входе на рынок продавали яйца и пучки с зеленью, а еще почему-то целые клумбы искусственных цветов. Внутри первые ряды все были увешаны безголовыми манекенами. Продавцы снимали с них одежду и бросали их на пол. Идя мимо, я вдыхал запах тряпок: приторный, немного с горчинкой. Надолго ни у одной палатки нельзя было остановиться — сразу откуда-то появлялся продавец и начинал что-то предлагать.

— Какой милый молодой человек! — выскочила прямо на меня из-за махровых халатов какая-то тетка. — Блондин, да еще и глаза какие голубые! Такому точно нужны модные джинсы и спортивная куртка!

Ох уж, спасибо, вот так мне уже нравится. «Молодой человек!» Пожалуй, это из-за роста. Я уже вполне мог сойти за взрослого, в интернате был по плечо нашему физруку. Конечно, я сильно замахал головой и ускорил шаг, чтобы мне не втюхали чего-то, но тетку эту запомнил и часто потом с удовольствием вспоминал.

Тут в переходе между рядами мне показалось, что я увидел его лицо. Он остановился у одного ларька. Рукой он разравнивал свои усы маленькой расческой, а потом исчез. Я бросился бежать, но потом одумался (это точно был он?), остановился и, пригнувшись, решил вернуться, последить за ним. Я стал пробираться через соседний ряд с овощами и спрятался за рядами красных помидоров, которые блестели и сладко пахли. Снова увидел его спину и руку, которая потянулась к одному висевшему манекену. Опять эта рука. Как там в кабинете. Но ведь было не разобрать. Просто учитель протягивает руку к ученику.

Тут меня словно кипятком ошпарило. Может, мне все это показалось? Вся ситуация с интернатом казалась такой далекой. Я уже не уверен, что видел ЧТО-ТО ТАКОЕ. Ведь никто из ребят никогда ничего не говорил. Может, это и нормально? Может, они просто решили сделать перерыв, занимаясь историей, и ничего не было? А чего «ничего»? Как это вообще назвать?

Тут спина развернулась, и за секунду до того, как я пригнул в помидоры, я понял, что это не он. Это не Урод. Просто какой-то дядька с усами.

«Надо выбираться отсюда», — подумал я.

На улице по запаху нашел булочную, где съел две сосиски в тесте. Там было уютно, и я представлял, что как будто сижу внутри теплого батона. Я уже совсем успокоился и окончательно решил, что не помню точно, что видел, и не знаю, было ли это так страшно, как мне показалось. Еще я успел подробно изучить свою карту и обвести «Дедовск» карандашом, который одолжил у продавщицы. На улице среди халатов и ночнушек я нашел шнуры и ленты. Потратил на них двести рублей и отправился обратно к дыре в заборе.

Терять время на обратном пути было уже нельзя, поэтому я сразу пошел продавать поправленные ободки. Делать это стало труднее, потому что, как оказалось, я забыл свою табличку у Призрака. Есть повод расстроиться — сделал я ее не так, как бомжи какие-то: взял картонку да и накалякал «Подайте глухонемому». Я потратился на маркер и белый кусок картона, написал красиво, как только умел, но специально с ошибками, чтобы было жалче... А теперь не было ни фломастера, ни листа. Поэтому мне было сложно привлечь к себе внимание людей. Я всегда гордился своей суперспособностью становиться невидимым, но сейчас она мне только мешала. На меня накатило одиночество: все идут мимо тебя, а даже если смотрят, то тоже как будто сквозь. Я смотрел в упор на смеющихся друзей или пару, слушающую музыку вместе через наушники, но чувствовал, что между нами невидимое стекло. Если я не буду смотреть, то не буду участником всего в жизни. Поэтому я бы умер, если бы ослеп. Как тот дед, Шерлок Холмс, я бы не смог.

Электричка от Новоиерусалимской была новая, и в ней вкусно пахло новыми зелено-сине-оранжевыми креслами. В таком поезде стандарт-плюс свет горел даже днем. И все пассажиры как будто сразу становились вежливее. Не уверен, повели бы они себя так же, случись бы то, о чем я расскажу дальше, в обычной электричке.

Я шел по проходу, протягивал людям свои ободки. С правой стороны вагона на солнечной стороне сидела старуха. Я подумал, что у нее, может быть, есть внучка, для которой она захочет мой ободок. Но когда я протянул руку и взгляделся в ее лицо, увидел, какая она вся бледная. Секунда — и старуха чуть не свалилась с лавки. Напротив, спрятавшись в тенек, сидела женщина, от рук которой пахло чесноком, а от висков — сладко-едкими духами. Она вскочила и затрясла старуху за плечи, сильно шевеля губами: «Что с вами? Вам плохо?» «Врача!» — завопила она на меня и на других пассажиров. Все сразу зашевелились, из разноцветных кожаных кресел стали высовываться лица. И никто бабу не бросил. Вместе с кожаным портфелем вскочил вспотевший мужчина и начал крутиться около металлической коробки на стене. Он стоял ко мне спиной в своей рубашке с мокрыми подтеками, и я ничегошеньки не мог понять. Потом он наконец отошел, и я увидел, что на коробке красной краской нарисовано, видимо, по трафарету: «Вызов машиниста». Хотел бы я работать таким рисовальщиком по трафарету. Писать «Осторожно, убьет» на стенах и иногда на сиденьях. Тогда эта старуха не села бы на солнечную сторону и ей не стало бы плохо. До меня дошло, что он просил старушеницу высадить, потому что через две остановки с платформы забежал

белый халат. Такой белый, как будто кто-то стер его ластиком на разноцветной картинке нашего вагона. «Врачи боролись за ее жизнь», — сказал у меня в голове голос Урода, пока я смотрел на лицо старухи, которую вытащили на перрон и посадили на лавочку — все сильнее и сильнее кто-то тер стиралкой и по ее лицу. Оно становилось бесцветным.

Ведь тот бомж на вокзале, он тоже сидел скукожившись. И я забился в уголок после того, как мне разбили губу те торгаши. Мы вроде тоже выглядели несчастными, но никто не бросился помогать нам. Ко мне никто не подошел тогда и не спросил: «Что с вами? Вам плохо?» А к этой старухе все ринулись как к близкой родственнице. Наверное, дело в новом, удобном вагоне. Он помог всем стать людьми.

После я еще думал о том, как быстро можно умереть, и в принципе это не так уж страшно для самого человека, как для окружающих. Если бы ластик стер ее окончательно уже в вагоне до прихода белых халатов? Как жутко бы всем стало. Может, поэтому мужик хотел спрятать всех стариков в дом престарелых?

Идти дальше, улыбаться людям из других вагонов, которые ничего про наш случай не знают, теперь не хотелось. Уже темнело. Деньги еще остались, можно было бы потратить на бургер в «Макдоналдсе». Тут и грустные мысли сразу ушли, и я повеселел. Ух, ну и жизни! Могу хоть каждый день есть бургеры, и никто мне ничего не скажет.

Я весь обрадовался и решил все-таки пройтись до конца электрички, попробовать что-то продать. И это было правильное решение. Дальше мне попалась глухонемая женщина, которая сразу заговорила со мной и показала фотографию своей дочки, у которой, она похвасталась, слух отличный. Еще она сказала, что они в семье любят друг друга и что ей нравится мой ободок. Женщина была классно одета — в желтый сарафан с разноцветным поясом, а ногти были яркомятные. Мне нравятся такие яркие цвета, они много говорят о человеке. Потом был еще дед, который позвонил своей жене и посоветовался, купить или не купить мой ободок. Сначала он перечислил все, что забрал с дачи, и уточнил, что деньги еще остались. «Разрешение получил», — улыбнулся он, убрал телефон от уха и протянул мне триста рублей вместо двухсот. Он мне очень понравился, этот дед с большими клетчатými сумками с дачи, даже захотелось посидеть с ним немножко, но я решил идти дальше, пока везет.

Вообще эти клетчатые сумки мне очень нравятся. Можно фантазировать, что в них может быть, но никогда не угадаешь. Например, там могут быть пустые горшки, а иногда горшки с травой, спицы с мотками ниток, стопки всяких разноцветных тряпок, если повезет, барбариски. А однажды, я видел, оттуда даже

вылезла собака. Она была очень смешной и похожа на маленькую обезьяну облезлую кошку. Таких кошек любили мучить у нас в интернате: ловили в коробку, быстро перевязывали и за нитку таскали по коридорам. Потом открывали, и кошка с очумелыми глазами ползла по коридору, путаясь в лапах, как пьяная. Все, как дураки, начинали хлопать в ладоши. Я такие игры не любил. Потом эта кошка долго не давала себя погладить, но я подкармливал ее сосисками из столовой, и она становилась ласковой. Но вот эта кошкоподобная собака была не такой: она сразу же начала рычать и чуть не откусила мне полпальца, когда я протянул руку, чтобы ее погладить. Бабулька схватила сумку, подняла на колени и начала кричать. Я тогда встал и ушел, тут даже по губам читать не надо, и так понятно — истеричка.

Вот так я продал еще три ободка. На одной станции набилось очень много народу, я выглянул в окно и увидел табличку «Царицыно». О, да я опять вернулся туда же, откуда уехал с утра. Так много случилось за день, и я неплохо заработал. Еще с большей охотой я пошел по вагонам и среди толпы наткнулся глазами на компанию негров. Призрака среди них не было. Какие все-таки интересные они: у белых я не встречал таких выпуклых лбов и больших губ. Белые не так широко смеются, хотя, может быть, это просто оптический обман из-за светлых зубов и коричневой кожи. Среди них были две женщины. Они пили пиво, пьяно смеялись и что-то активно обсуждали.

Я остановился неподалеку, чтобы понаблюдать за ними. Тут я заметил, как по проходу мне навстречу идет хмурый полицейский. Он подошел к компании и что-то спросил. Негры притихли. Мне было не по себе проходить мимо полицейского, у которого на спине я прочел желтые буквы: «Служба транспортной охраны», поэтому присел на кресло через один ряд от них. Негров я больше не мог видеть, зато видел лицо охранника. Один из черных протянул ему какую-то разноцветную картонку. Тот покрутил ее в руке и сказал:

— Паспорт болельщика чемпионата мира по футболу. Замечательно. Он был в прошлом году. Где ваша регистрация?

Негры что-то ответили ему и попытались встать.

— А ну-ка стойте! Куда это вы собрались? Сейчас я полицию вызову.

Так значит, он не полицейский. В этот момент к нему подошел еще один охранник. Путь черным был отрезан. Я взглянул в окно и заметил знакомый дом, а затем саму платформу. На ней с листовками вдруг мелькнул Призрак. Охранники выводили негров.

— Щас мы вас всех и отправим обратно...

Не знаю, как работал мой мозг в этот момент, но в нем была только одна мысль: «Они увидят Призрака

и тоже проверят. Косичку, Статую и Черепашку тоже отправят в Эфиопию». То, что все они из Эфиопии, я не сомневался.

Я выскочил в закрывающиеся двери. Что ж, начинаю привыкать. Та же платформа, та же толпа. Я увидел, как группу с охранниками и неграми уже ждали двое толстых полицейских. Женщины перестали смеяться, в глазах у них был страх. Я посмотрел на толпу и с ужасом увидел, как Призрак идет по платформе нам навстречу. В руках у него была небольшая картонная коробка, откуда он доставал листовки и протягивал людям.

Тут один из полицейских похлопал второго за плечо и показал на Призрака. Тот что-то ответил, кивнул и направился в его сторону. О ужас! Что делать? Я попытался крикнуть: «Беги!», и двое прохожих обернулись на меня. Я был чуть ближе к Призраку, чем полицейский, но времени было совсем мало. Я нащупал в кармане спички. Не знаю, как мне пришла в голову эта бредовая идея, но она-то и поменяла мою жизнь на сто восемьдесят градусов.

Резко вытащив коробок, я рванул к Призраку и еще перед тем, как он заметил меня, зажег несколько спичек сразу и бросил в картонную коробку у него в руках. И она моментально загорелась. Призрак отпрыгнул, отбросив коробку от себя и спустя секунд пять бросился за мной. Беги, Толик, беги! Я вдохнул и весь превратился в ветер. Ступенька, две, выше, а ну-ка с дороги! Я, отпихивая людей, полетел вверх на мост, подальше от платформы, потом вниз и в переулки за деревья, а Призрак несся за мной. Еще с моста я краем глаза увидел, что коробка дымилась посередине платформы, а полицейские отгоняли людей. Ура! Погони нет, и, может, даже те негры тоже смогут удрать!

Но погоня еще как была. Призрак бегал не как ветер, а как смерч. Через пару улиц он с силой толкнул меня в плечо, я споткнулся и полетел на асфальт.

— Гад! О май гуднес! Решать меня достать?! — кричал он. — Что надо тебе? Ух, я тебя...

Он замахнулся, я зажмурил глаза, но удара не было. Призрак замер, а потом убрал руку и сплюнул рядом со мной.

— А я жалеть тебя! Оставить дома! А ты!... Мне теперь что говорить, где бумажки? О май... — И он отвернулся и пошел обратно.

«Не-ет! Только не обратно!» — Я попробовал встать, но понял, что не могу, потому что, кажется, ударился коленкой. Призрак остановился у дороги, постоял и вдруг махнул рукой и пошел в другую сторону, в сторону дома. Фух. Пронесло.

Ну а теперь, Толя, есть отличная возможность подумать, зачем ты это все сделал. Я присел на бордюр и огляделся. Быстро темнело, но сразу возвращаться

на платформу было страшно. Друг менты еще там и сразу узнают меня, тогда точно поймают и вернут в интернат. Тем более теперь я не убегу от них. Надо где-то перекантоваться одну ночку. Но тут я знал только один дом, где мне теперь точно не рады. С другой стороны, в подъезде там точно тепло, а если пове- зет, то на утро, когда Призрак уйдет, можно выпро- сить у Статуи мою табличку обратно.

Так и решил. Пытаясь не наступать на ногу (ко- ленку больно резало), я начал прыгать в сторону дома Призрака. И чего мне не сиделось? Уж лучше бы я не успел выпрыгнуть из дверей! Паспорт болельщика... Выходит, они приехали со своими командами. И по- чему-то мне так жалко этих негров. Чего им всем те- перь делать?

До дома я шел, как мне показалось, целую веч- ность. Приходилось останавливаться через каждые сто метров и присаживаться на забор или лавку. Хо- телось плакать. Что мне-то теперь делать? Ведь я не могу ходить! Сначала еще встречались редкие про- хожие, потом совсем пропали. Я все дольше сидел на своих вынужденных остановках и смотрел, как они залетают в подъезды, и спустя время загорается еще одно окно. Красноватые, белые, желтые, даже ярко- розовые квадратные окна выглядели уютными и теп- лыми. Где-то были видны старые люстры, горы паке- тов на холодильнике, кактусы в горшках, и от этого попасть внутрь хотелось еще больше.

Наконец я доковылял до дома. В нем тоже кое-где горел свет, но все окна были либо закрыты фанерой, либо тяжелой шторой. Зайду в подъезд, который бли- же, решил я. Меньше шансов натолкнуться на При- зрака.

Вдали показалась фигура. Я заметил ее, как только она вышла из света последнего фонаря и стала темной. Какая разница, все равно я уже допрыгал до входа в первый подъезд. Когда потянул дверь, сзади мне на плечо легла рука. Ухватившись за ручку, я резко раз- вернулся, и тусклый свет, открывшийся из подъезда, осветил лицо Призрака.

Я пошатнулся, но он удержал меня и начал быстро говорить:

— Я искать тебя. Я знать, что полицейские забрать мои друзья. Я... — тут дверь медленно закрылась, и я перестал видеть его лицо. Он, видимо, продолжал что-то говорить, схватив меня другой рукой и уста- вившись мне прямо в лицо. Постепенно глаза снова привыкли к темноте, и я уловил, что на его лице нет злобы. Он был рад меня видеть.

Мы простояли так еще секунд десять, а потом он потянул меня за руку. Я сделал несколько быстрых шагов, но боль в коленке вернулась. Он понял, что я не могу идти, и подошел вплотную, забросил мою руку себе на плечо и практически поднял над землей.

Так идти стало гораздо легче — надо было только слегка отталкиваться здоровой ногой. Мы пошли во второй подъезд. Когда Призрак открыл дверь, в лицо мне ударил теплый свет лампы.

ГЛАВА 4

В детдом к нам приходила Лиля. Это не мы ее так прозвали, это было ее настоящее имя. Лилия. Других Лиль у нас не было, поэтому и прозви- ще ей придумывать не пришлось. Она переводила для нас песни.

В первую субботу каждого месяца Лилия запол- няла наш детдом новыми басами и ритмами. Она ничего не боялась — напяливала на голову колпак звездочета или надевала восточную юбку с монетка- ми. Мы рассаживались в холле, кто на диване, кто на подоконниках, кто на полу — ближе, еще поближе к ней — и смотрели. Обычно перед началом песни она подходила к каждому и настукивала ритм. Или хло- пала в ладоши, чтобы мы повторяли. Но это было необязательно — она сама двигалась очень ритмично, перекидывая свои черные волосы с одного плеча на другое, как будто рисовала телом волны, ветер, лю- бовь всякую. И рассказывала историю про девушку, о которой распускают слухи, что у нее нет забот, но на самом деле она так же, как все, как все, как все, просит себе счастья. Или про брошенную женщину, которой он говорил, что вместе и навсегда, и сердце пополам, но, видимо, что-то забыл. Во время пения лицо ее делалось подвижным настолько, что мы все спорили потом в столовке, умеет ли она реально шевелить но- сом или нам показалось. Но мы не смеялись над Ли- лей, нет, мы ей восхищались.

Девчонки, конечно, обожали «Маму» группы Пицца и песню Елки «Этот великолепный мир», а парни топили за «Капкан» рэпера Мота. У Лили был свой канал на YouTube, в котором она перепевала для нас песни. Чаще это были клипы с настоящей съем- кой где-нибудь в городе, где она и телом, и губами, и руками рассказывала нам истории этих песен. Да, мне все они тоже, естественно, нравились, особенно Елка, потому что клип на ее песню Лили снимала в Таилан- де. Там она как будто освободилась от своих вечных водолозков. За ней мелькал и какой-то разрушенный храм с лианами, и мопеды, и море, и мартышки. Я го- тов отдать палец, чтобы тоже туда попасть, а в идеале еще завести себе ручную мартышку. Или мопед. А луч- ше и то и другое.

Но любимая песня у меня была другая. Я никому не рассказывал, что она мне нравится, и если кто-то включал, делал вид, что мне все равно, но если Лили начинала ее петь во время наших встреч, во мне как

будто что-то попалось от счастья. Это детская песенка, ничего в ней такого особенного нет, многие считают ее ерундовой. Там поется про то, как две звезды разговаривают с друг другом на небе, и одна спрашивает другую: «Сияешь?», а та: «Сияю». Дальше они обсуждают детей, Млечный Путь и время. На этом диалоге Лиля обычно так замедляла темп, что ее руки раскрывались и медленно спадали вниз, как звездопад. Мне тяжело описывать такие вещи, я же не поэт там какой-нибудь. Как Борис Гребенщиков вот.

Почему я вспомнил про Лилу? Просто примерно через неделю после того, как Призрак узнал о ментах и в благодарность предложил мне остаться, я узнал, какой на самом деле может быть музыка. Все эти дни Статуя ухаживала за моим коленом, накладывая на него тряпку, которую перед этим мочила в тазу с коричневой жидкостью и листьями. В тот вечер я уже мог неплохо ходить и практически не хромяя пришел на Поляну пакетов (так я назвал комнату с пакетами, накрытыми простынями). И как-то внезапно, когда Призрак разгребал листовки, между его ног появился барабан. Совсем небольшой, непохожий на барабаны, что бывают на концертах, он был из дерева и узористой такой кожи. Призрак стер с него пыль, но не убрал ладонь, а медленно провел ею по всему барабану. И замер. Улыбнулся. Ладонь его словно приклеилась к этой коже, и он выводил на ней круги все быстрее и быстрее. Пауза. Он как будто подкрадывался к инструменту или будил его. Пауза. И тут Призрак резко ударил ладонью о его край. И я услышал! Гулкий бас, похожий на гудение Площади трех вокзалов. Руки его начали с краев и перебрались ударами к центру. Они стали сильными и ясными. Как стук сердца, когда бежишь или волнуешься. Он отстукивал пальцами, ребром ладони, пританцовывал плечами и коленями в ритм. Мне стало тревожно, будто я убегаю от контролеров, но в то же время страшно, что это закончится. Я понимал каждый звук и особенный кайф испытывал от того, что слышу его наравне с остальными.

Как только Призрак ударил по барабану, в комнату вбежала Косичка, волоча за руку Статую. Ее глаза уже танцевали. Она подхватила ритм и стала кружиться. С ее полулысой головы слетел платок, топ задрался, но она не обращала внимания. Босые ноги топали по полу и попадали ровно в ритм, так что стали его частью. Руками она поднималась выше, будто взлетала. За чем следить глазами? За ударами, за босыми ногами, за этими сумасшедшими глазами? В руках! В руках ее появились серебряные колокольчики на резинке. Она трясла ими, вибрировала, спускала и поднимала к потолку. Все превратилось в одни эти басы, все было в них. Из меня вырвался воздух, и я вскочил. Вообще ничего не чувствуя, кроме давящего

грудь звука, я затряс руками, головой. Закрыл глаза. Я слышу. Это были звуки в моей голове, которые мной управляли. Я — частичка пыли на пальцах между кожей барабана и кожей Призрака. Бац! Я обо что-то споткнулся и свалился на мешки. Открыл глаза. Косичка медленно под замедляющийся ритм опускала руки и смотрела прямо мне в глаза. Мне показалось, руками она пропела, нет, я точно рассмотрел. Она пропела: «Сияешь?» И я ответил: «Сияю».

Это был удивительный вечер. Призрак вообще-то был молчуном и редко разговаривал со мной. Да и с остальными тоже. Но барабаны его так развеселили, что в этот вечер он постоянно что-то выкрикивал, кажется, шутил. Как бы я ни старался не замечать (чувство чего-то стыдного не оставляло меня), все равно не мог не напарываться взглядом на их перемигивания и прикосновения. Не мог не видеть, как Косичка радостно посмотрела на Призрака, как сжала пальцы Статуи на несколько секунд, а та сделала также в ответ, как сама Статуя и Призрак переглядывались несколько раз с улыбками и глядели на кружащуюся Косичку. Это, что ль, и есть любовь? Они были реально счастливы, эти негры посреди пакетов с хламом.

Даже Черепаха была здесь. Она стояла в двери все это время и наблюдала, как нам весело. Наверное, она думала, что Статуя и Призрак красивая пара, а может быть, наоборот, сердилась, что они не заводят детей. Как-то в электричке я смотрел за разговором бабулек, которые долго жаловались на своих внуков, которые не хотят рожать детей. «Я уже в ее 24 двоих воспитывала, а она чего? Только о работе и разговоры. Да кому она нужна, работа, когда рожать надо».

«Все бабульки одинаковые», — подумал я, и так мне стало смешно от этого, что захотелось подбежать и затрясти лапы Черепахи, чтобы она тоже затанцевала.

Щербинка (как бы дом)

Дом подавал признаки жизни. То тут, то там вспыхивали и гасли лампочки. Так в электричках выглядят пьяницы, несчастные, опухшие, они по очереди приоткрывают по одному глазу, как бы интересуясь тем, что происходит в реальности, и в итоге зажмуриваются совсем.

Все из-за того, что свет в доме еще не перекрыли, но зажигать его дольше, чем на пять минут, бояться. Потому что на прошлой неделе что-то произошло.

Я шел с чеховской электрички к дому той же дорогой, которой первый раз провел меня за собой Призрак. В нашитом секретном кармане лежало больше пяти тысяч. Сокровища Монтесумы! Не сине-зеленые камушки, конечно, зато коричневые, синеватые

и две фиолетовые бумажки. Это было больше, чем я зарабатывал раньше, — уже пару дней я приносил такие пачки, так что, можно сказать, это становилось обычным ежедневным доходом. Благодаря плетению Черепахи лоскутные корзины легко скручивались и убирались в карман, что я мастерски всем и показывал, но если надо, то они быстро раскрывались и выдерживали, между прочим, большой вес.

— Крафт! — пнула локтем в бок свою соседку одна пассажирка со жвачкой во рту и кивнула на меня.

Крафт-пивнушку на Щербинке у станции я знал, хоть, правда, и не понимал, что это значит. Но я отчетливо увидел, что она сказала это о моих корзинках. Чего общего у них с пивом? Может быть, невысокая цена? «Дешевая пивнушка» — «корзинка по дешевке». Или что-то о популярности. «Модная пивнушка» — «модная корзинка». В любом случае, слово явно не наше, но пишут его все почему-то по-русски.

Мимо меня пронесся парень на одном колесе. Вау! Обернувшись, я успел только поймать его спину, и он тут же свернул за поворот. Какая-то турбошина, но как мастерски он держал равновесие — и никаких поручней для рук. Я пнул болтающийся в руках пустой пакет из-под корзинок, сразу же запутался в нем и чуть не грохнулся.

О чем я думал? Ах да, о крафте. Так вот, вторая девушка на секунду перестала тыкать в экран телефона подушечками пальцев, которые у нее были с такими длинными выгнутыми ногтями, и обернулась ко мне. Из-под вытянутых очень странных треугольных очков выглянули перламутрово-зеленые глаза, а на груди оказалась надпись. Я прочел: «Не сахар».

— О, это экоматериал? — спросила она.

Я кивнул. Конечно, эко. Черепаха стирала свои жгуты с хозяйственным мылом, а потом сушила на солнце. А в интернате я слышал от нянек, что хозяйственное — самое экологичное.

— Слушай, — обратилась девушка «без сахара» к подруге, — такого я еще в ленте не видела. Такую можно вместо...

Как же она сказала? Вместо а... «авоськи в магаз таскать». Не знаю, что это такая за авось, но таскать можно куда угодно, да. Приятно, ведь чаще покупают женщины да старушки, а тут — модные девчонки. Ну точно, «крафт» от слова «модный». «Модный без сахара».

В общем, у меня входило в привычку по дороге домой (пусть это не мой дом, но мне нравится говорить себе, что я иду после работы как бы домой) прокручивать в голове все лица, которые запомнились мне за день. Ведь вот уже два дня, как только я переступал порог, ко мне подбегала Косичка и просила, чтобы я корчил рожи всяких мужиков или бабулек, которых повстречал за день. И сразу начинала хохотать.

В кармане грелись сокровища. Часть я должен был отдать Статуе. За то, что использовал ткани Черепахи, да и за то, что всему у нее учился. Теперь я плел корзину сам, маленькие и большие, а еще украшения на голову и шею. Такой был наш негласный уговор. Для себя я решил, что пока Черепахе есть чему меня научить, я буду приносить эти деньги, да и, признать-ся честно, уютнее спать и есть в квартире. В центр я не совался, после того как однажды мне снова показалось, что я встретил Урода. Он по-прежнему иногда снился мне.

В первый раз мне не зря показалось, что район с двухэтажными домами безлюдный. Это была старая часть города. И если у станции было много выток, «Магнит» и даже фонтан с огромными буквами «Я (сердечко) Щербинку», то здесь изредка проезжала одна или две машины, и то строительные. Со стороны старой голубятни шла стройка. Незаселенный район оказался расселенным. В двери первого подъезда я нашел полуоторванное старое объявление: «Уважаемые жильцы! По программе реновации, утвержденной жилищным фондом Москвы от 1 августа 2017 года, ваш дом подлежит сносу. Планируемый срок сноса: конец 2018 года. Просьба связаться с жилищной компанией для подписания договора и сдачи ключей». Конец две тысячи восемнадцатого уже давно закончился, но дом стоял. И мы в нем жили.

Я понял, что что-то произошло, когда поднялся и зашел в квартиру. Вместо Косички навстречу мне выбежала Статуя, но, увидев, остановилась. В глазах ее был страх. Потом, как секундные картинки, мелькнули недоумение, разочарование и даже что-то похожее на гнев. Может, последнее мне показалось. Статуя хорошо ко мне относилась. Но в этот вечер что-то поменялось. Впервые за полторы недели, что я здесь прожил, мне были не рады. Она ждала не меня, а Призрака.

На кухне, сгорбившись, сидела Черепаха и молчала кашу. Я сел напротив, достал деньги, положил на стол. Черепаха даже не подняла взгляда. Челюсть ее медленно двигалась, пережевывая вареные овощи.

Тут вбежала возбужденная Статуя, хотела что-то сказать Черепахе, но только она остановилась у стола, как что-то хлопнуло. Кажется, дверь. Поднялся сквозняк, и бумажка сверху стопки слетела со стола. Статуя тоже резко дернулась из комнаты. Деньги она не заметила, и я увидел, как тысяча улетела под кухонную плиту. Черепаха не двинулась. Я начал думать, не больно ли ей вот так жевать беззубым ртом еду, но почувствовал еще хлопок. Быстро вскочив, я подцепил деньги со стола и машинально засунул в карман. В прихожей стоял Призрак и кричал что-то Статуе, которая билась в истерике: махала руками, показывая то на Косичку, то на кухню. Потом она со-

всем безумела и начала бросать в Призрака пакеты с листовками, которые стояли на входе. Желтые и зеленые листки взлетали и падали нам на лица. «Мех», «Шуб», «Дубл», «Фин», «Распр», «Успей». Призрак схватил Статую за руку, сжал так, что она присела, скукожилась, и быстро прошел в комнату. А Статуя прикрыла красный след на коже другой рукой и замолчала. По лицу ее текли дорожки слез. В щели Черепашей комнаты я заметил мокрые глаза Косички.

Теперь я сидел на площадке напротив дома и смотрел, как мигает свет в окнах. Воду отключили, хоть и до этого она лилась тонкой ниткой. Помыть руки было нечем. Поэтому они так и остались в черных буквах с листовок, которые я собирал после ссоры в прихожей. «Ш», «Ме», «Х». Что за запахи здесь?

Рядом сидела Косичка и чертила что-то палкой на песке. Она уже не плакала. Я следил за тем, как остаются рыхлые кучки с двух сторон от линии — получались волны. Она всегда много рисовала просто так, а чаще для меня — их деревню, печку, дымящиеся лепешки, колючие кактусы у забора, змей. Я понял, что она совсем не боится их, а даже как-то уважает. На рисунках Косички змея часто заворачивалась и становилась похожа на луну. Я это понимал, потому что вокруг нее появлялись маленькие точки — звезды. Как грустно, наверное, Косичке сидеть в заброшенном доме на окраине Щербинки, где нет ни кактусов, ни змей, ни даже звезд. Благодаря этим рисункам мы научились кое-как понимать друг друга.

В последнее время (когда колено прошло и я стал ездить продавать корзинки Черепахи) мы давно не сидели вот так просто вместе. Все потому, что Косичка начала строить из себя взрослую. Меня бесило это даже больше, чем в первый день, когда она схватила меня за щеки. Я даже не смогу толком объяснить, просто она стала вести себя как выскочка, рисовала что-то все реже и больше не показывала их со Статуей детские фотки.

Сначала я думал, что дело в игре. Ок, не хочешь в шашки (их я нашел на Поляне пакетов), давай в догнялки. Или давай вместе плести корзины. Бесплезно. Вид у нее стал значительный, как будто ее готовят к полету в космос. Стала все сама убирать, мыть, однажды даже встала раньше и убрала мою тарелку, будто это она теперь тут хозяйка, а не Статуя. Если все по квартире уже переделала, Золушка, блин, то просто уходила в комнату и там шила. Не думал, что она это любит. Вся в себе, теперь она часто по вечерам шепталась с сестрой, причем делала такой вид, что они обсуждают вещи, которые мне даже не снились. Фу, как вспомню это ее лицо... Ну и гадкая она может быть!

Потихоньку становилось все серее. Каких-то полчаса — и будет темно, нужно идти домой. Ни ей, ни мне этого не хочется. Семья — это очень странно.

Сегодня ты торопишься домой, ешь среди близких людей, танцуете под барабаны, а завтра их же звук отдается внутри как приговор. Все молчат, смотрят друг на друга исподлобья: им есть что сказать, но они молчат. Эта тишина настолько отчетливая и тяжелая, что даже я ее понимаю. Из-за чего весь этот сырбор? В интернате мы все делали вид, что семья — это скучно. Жить отдельно, когда никому ничего не должен, и сам решаешь, что есть на завтрак, — вот что мы постоянно обсуждали. Но втайне все на эту свободу наплевали бы с высокого чердака, если бы нас спросили, что-нибудь, типа, «Поедешь к своей маме?».

Косичка начинала сливаться с темнотой, и был виден только ее полосатый платок, завязанный, как бандана, а еще белые бусинки на щиколотках. Она болтала ногами, и, от этого они то вспыхивали, то исчезали, как светлячки. В голове я рисовал из них узоры, пытался различить в темноте ее ноги. Когда мы последний раз все вместе собирались на кухне — это был их ритуал, — в конце ужина Призрак положил руку ей на колено. Это было не просто дружеское движение. Она вздрогнула, тревожно посмотрела на Статую. Куда-то ее выскочкин взгляд сразу подевался. Она как бы спрашивала: «Так надо?» Его руку не убрала. Статуя же грустно кивнула и вышла из кухни. В тот раз она спала со мной в большой комнате, на Поляне пакетов. А Косичка ночевала в комнате с Призраком. Не сразу, уже потом, после еще пары взглядов и его требовательных прикосновений, после которых она ночевала у него, я наконец вспомнил тот факт Безымянного про бесплодных старших сестер. Да ладно? Не может быть...

Пока я наблюдал, я понял, что внутри семьи тоже могут сделать больно. Наверное, Косичка не ожидала, что самые близкие люди обидят ее. А я ведь могу ее понять, я знаю, как это, когда вот так давят исподтишка. Я бы рассказал ей миллион таких случаев. Например, как однажды во время большой перемены мы играли в салки и я погнался за Димоном. Через деревья, шины с цветами, ограду. И тут на повороте он влетел в Урода. Я сразу затормозил, еле успел не влететь в них. Урод чуть пошатнулся, но не упал, поджал губы и молча взял Димона за лицо и сжал его щеки. Даже представить не могу, что чувствовал Димон, но я весь похолодел и отступил назад. Урод наклонился к самому его лицу и так пристально-пристально посмотрел на него. Мне показалось, что за своими торчащими усами он улыбнулся. Он что-то сказал Димону губами, а потом увидел меня и сразу убрал руку, отряхнул пиджак и прошел мимо. По лицу Димона я понял, что он еще чуть-чуть — и наложит в штаны. По крайней мере, в салки играть он больше не захотел.

Я все думал, что другие тоже так трогают. Сторож или директриса могли схватить за плечо или ух.

Было больно. Особенно если сторож. Но Урод всегда приближался очень близко, дышал прямо в лицо, заглядывал в глаза. И в прикосновениях его был приказ. Косичка, да, теперь я не думаю, что мне показалось, я тебя понимаю, я ведь шел по тому белому коридору, видел на полу разводы от тряпки, свет от щели под кабинетом и двоих внутри. И все поменялось для меня тогда. Я убежал. А ты? Почему ты не бежишь? Меня поражало, что она воспринимает все это совершенно нормально. Как будто так и должно быть. Муж ее сестры вроде стал ей мужем, и она с этим смирилась.

Тревожно. Что за запахи тут? Я посмотрел на силуэт Косички и немного прижался к ее плечу. Должно стать спокойнее. Нет, нет, это не одно и то же. Там, в кабинете, эти прикосновения были чем-то запретным и гадким, а здесь Призрак не так трогал Косичку. Тут это было как само собой разумеющееся. Косичка продолжала болтать ногами.

В квартиру мы вернулись поздно. Статуя и Призрак были в комнате. Вся она дрожала от вибраций, по ощущениям они как минимум двигали там огромный шкаф или возили по полу многотонные коробки. Мы тихо легли спать, а наутро, когда я проснулся, ни Призрака, ни Косички со Статуей уже не было. Черепаха не вышла проводить меня, как обычно делала. Я заглянул на секунду к ней в комнату и увидел, что она связывает все свои тряпки в один жгут и закручивает, как Косичка закручивала змею на своих рисунках. Увидев меня, она на секунду замерла, а затем оставила пакеты и поползла ко мне. Приблизившись, она погладила меня по щеке и что-то сказала. Очень короткую фразу. А потом отвернулась и снова занялась своими змеями.

Всю дорогу, что я шел до платформы, высматривал Косичку и Статую. Куда они могли деться? Почему Черепаха собирает свои тряпки? Солнце впервые за долгое время с самого утра припекало. Если посмотреть на него в упор, из него и правда начинали выпрыгивать маленькие змейки.

Щербинка — Серпухов. Серпухов — Щербинка

В кармане я обнаружил вчерашнюю пачку денег и подумал, что надо бы не забыть отдать Статуе ее вечером, а то она решит, что я обманщик. Тревога не прошла и в электричке, хотя обычно я увлекался людьми и забывал обо всем. Я не мог перестать думать, что же значила вчерашняя ссора.

Добравшись до Серпухова, я совершенно потерялся. Не мог понять, что делать, выйти в город или ехать дальше. Хотелось вернуться, отдать Статуе деньги,

проверить, как там Косичка. Я сел на лавку и на автомате раскрыл сумку. Вместе с ободками, схемой электричек, парой неиспользованных лент, запасным коробком спичек, забытым сникерсом и двумя сложенными корзинками внутри были еще какие-то листы. Я достал их и сникерс. Это были рисунки Косички. Все те кактусы, домики и змеи, которые она нарисовала для меня. Я снова начал разглядывать их, поедая шоколадку. Тут рисунки потемнели — приехала электричка.

А что если и мне погнать в Эфиопию? Неужели они меня не возьмут? Интересно, сколькими самолетами нужно добираться? Я представил, как зеленый лес, который мы проезжали, резко сменился рыжей пустыней. Мы дернули бы стоп-кран, вышли посреди поля, а вдалеке уже была бы деревня Косички. Я бы отбивался от змей, а Черепаха несла бы на голове свою огромную корзину. Кто знает, может быть, местным понравились бы мои ободки. Я бы делал им их, а они кормили меня лепешками из навоза. Интересно, там есть верблюды? Тогда это был бы их навоз. Но Косичка почему-то никогда не рисовала верблюдов. Только змей... А от змей бывает навоз?

Я был так поглощен этим вопросом, что чуть не проехал Щербинку. Кто вообще сложил рисунки Косички мне в сумку? От всех этих мыслей голова моя опухла, и я быстрее побежал обратно к дому Призрака.

— Все нормально. Нормально! Просто легкий беспорядок.

Я стоял в коридоре и пытался прийти в себя. Они все шныряли взад-вперед по коридору, таскали какие-то коробки и эти долбаные клетчатые сумки. Никогда непонятно, что в них.

Голова продолжала опухать, а тут еще эта беготня. Что это все, черт возьми, значит? Квартиру будто перевернули, потрясли и снова поставили. Везде был раскидан какой-то хлам.

Я ухватил за руку пробегающую Косичку. Она была теплой, даже горячеей. Как будто у нее температура. Я погладил руку. Чуть-чуть вверх-вниз перекатились бусинки ее браслетов.

— Погоди, замри, — пытался я сказать ей. — Побудь со мной.

Захотелось добавить:

— Мне страшно.

Но Косичка уже вырвала руку и, задрвав юбку, нагнулась, чтобы собрать с пола раскинутые тряпки. Когда она выпрямилась, я снова попробовал заглянуть ей в лицо, спросить хотя бы: «Куда вы?», но она была вся в своих мыслях и вряд ли вообще видела меня. Это была уже не Косичка, а какая-то Коса. Я ее не узнавал. Движения у нее стали какие-то более плавные, какие-то... соблазнительные. Мне пришла в голову эта

мысль, и смотреть на нее стало совсем невыносимо, я отодвинулся от нее, как от огня, а она как будто этого и ждала, чтобы быстро пройти на кухню.

Пришлось забиться в угол и закрыться занавеской. В тот самый, в котором сидела она, когда я в первый день проснулся у них в квартире. Здесь правда было будто безопасно, чувствовалось, что ты совсем один. Мне показалось, что я адски одинок, и все в этом доме стало мне противно. Никто здесь даже не может мне толком объяснить, что происходит. Я не на своем месте, среди чужих мне людей. Урод! Я сам — урод! И место мне среди уродов. В детском доме, а потом доме престарелых, куда соберут всех дедов из электричек и бомжей с вокзалов. Ненавижу себя. Ненавижу этих негров. Чтoб они сдохли!

Я бы еще долго так сидел, ненавидя всех, если бы меня не нашел Призрак. У него, как у Косички, были сосредоточенные глаза — он думал о своем. Но когда он заметил меня под занавеской, то на секунду очнулся и улыбнулся.

— Хороший парень, — сказал он и два раза ударил меня по плечу. — Обед. Есть идти.

Улыбка его меня смягчила. Как мало надо мне, как собаке: погладили за ухом — и уже рад. Может, все из-за голода? Вот ведь поесть позвали. Как своего.

Но на кухне никого не было.

— На, — кинул тарелку с кашей на стол Призрак и ушел.

Ну точно как собаке. Я даже скрючился и представил себя жалким псом. Мне хотелось жалеть себя и жалеть. Сделал щенячьи глаза, немного надул нижнюю губу. И огляделся. Ох, что за бардак тут был. Перевернутые кастрюли валялись на полу, пустой холодильник был открыт, на подоконнике была рассыпана земля из-под цветка. Рядом с плитой стояли открытые прозрачные миски, в которых разложили кашу. Штук шесть таких вот контейнеров, а рядом разноцветные крышки. Прямо на пикник собрались, только меню как в тюрьме.

Тут под столом я увидел ту самую скомканную тысячу, что улетела тогда со стола. Поднял. Никто даже не заметил ее со вчерашнего вечера. Ну о'кей, мне они нужнее. Если мы отправимся в Эфиопию, то там мне точно понадобятся деньги. И что, что мы поедем вместе? Я не хочу зависеть от этой семейки.

Когда я поел, то решил заглянуть к Черепахе, чтобы поплести корзины. Она уже закончила со своим огромным жгутом и теперь складывала в одну из корзины свои вещи. Я зашел и сел в углу. Достал из рюкзака одну корзинку и показал Черепахе. Она покачала головой, мол, не сегодня. А когда? Она махнула рукой. «Завтра». А будет завтра? «Куда ж оно денется», — улыбнулась она. И вот тогда моя тревога прошла. За-

втра никуда не денется, оно будет таким же, как сегодня. И как вчера. Пускай сегодня было неважным, но вчера было ничего.

Я улыбнулся ей в ответ. Встал, подошел к Черепахе и коснулся ее юбок: «Помочь?» «Не надо», — отвела она мою руку и показала на гору корзины. «Лучше их собери», — как бы говорила она, показывая мне, как сворачивать и складывать одну корзину на другую.

Я был рад. Корзины были и жесткие, и одновременно мягкие, если гладить пальцем в одном изгибе жгута. Чего тут только не было. И вафельное полотенце, и кусочки розовой футболки, и какой-то ворсистый фиолетовый пушистик. Одним словом, чистый крафт!

«Я возьму несколько, продать завтра». Я взял две и поднес к рюкзаку, чтобы Черепаха видела. Она ответила не сразу, опять пристально посмотрела на меня и только потом кивнула: «Бери». Чего так подозрительно-то? Или она знает, что я в последний раз не отдал деньги Статуе?

Весь вечер прошел в сборах. Я еще пару раз пытался с кем-то из них пообщаться, но они смотрели сквозь меня. Тревога вернулась. Я узнавал этот равнодушный взгляд — так на нас смотрели многие учителя в интернате. А были те, что смотрели плохо. Это хуже, чем взгляд сквозь, это что-то, что внутри все переворачивает, и некуда спрятаться.

Наутро все было как обычно. Только в квартире стало просторнее. У входа появилась гора связанных клетчатых сумок и пакетов на тележке. Косичка, Статуя были на месте, Призрак уже ушел. Я не знал, как спросить, когда мы уезжаем, поэтому решил спросить, идти ли сегодня работать. Я показал Статуе сумку, в которой лежали вчерашние непроданные ободки и новые сумки Черепахи, и показал на дверь. Она погладила меня по голове и уверенно кивнула: «Еще не сегодня, иди». И я пошел.

Рабочий день прошел незаметно. Проведя его на ногах, я чувствовал, что коленка опять начинает ныть. Я снова возвращался не поздно, потому что умудрился быстро продать почти все. Осталась только одна корзинка. Повернув к дому, я не заметил ничего необычного. И вдруг мелькнула мигалка, и я увидел полицейские машины. Много полицейских машин.

Я быстро свернул в подъезд и добежал до следующего, прижимаясь к дому. Многие окна были распахнуты, на них не было штор, а входные двери держались открытыми приставленными камнями. Я нырнул в подъезд и с ужасом увидел, что двери в квартиры тоже распахнуты. На лестнице валялись какие-то вещи. Я взлетел на второй этаж. К квартире Призрака. Я вбежал внутрь и понял, что в ней пусто. Остались только пакеты с листовками, кастрюли на

кухне, сваленные в углу пыльные простыни. Не было ни Черепахи, ни Призрака, ни Статуи, ни Косички. Не может быть. Они не могли меня бросить.

Как в тумане я спускался по лестнице. Шаг, шаг. Сердце билось в груди. Стук, стук. Открыв дверь, лицом к лицу я столкнулся с полицейским.

ГЛАВА 5

После поворота показалось желтоватое здание интерната. В открытое переднее окно влетел запах какао — стало понятно, сейчас около четырех, время полдника. Ментовская машина тряслась по насыпной дороге, ведущей ко двору. Я угадывал в голове предметы, которые через секунду появлялись перед глазами: сейчас будет клумба из шины, сейчас — корень, пробивший асфальт, сейчас — качели, окна актового зала, окно кабинета директора, окно, окно... Мелькнуло лицо. И стукнуло в груди. Неужели я сейчас увижу Безымянного? Что он мне скажет? Хотя чего тут думать, рассмеется он, своими кривыми зубами полыбится и будет показывать пальцем, мол, ну и чего ты добился, лох. Сам ты лох...

Почему меня волновала встреча именно с Безымянным? Не знаю, наверное, я просто устал бояться встречи с другим человеком. В полицейском участке, когда я сидел в комнате напротив мента в форме (он отхлебывал кофе, и над верхней губой у него остался светло-коричневый след), я не мог перестать думать об Уроде. Мне было так страшно, а от этих кофейных усиков и теплого запаха становилось еще хуже. Пока мы ехали в машине из Щербинки (тогда в подъезде я попытался убежать, но менты меня схватили и начали спрашивать имя, адрес, родителей), я решил, что ничего не расскажу им о неграх. Но сидя в кабинете, я уже не думал о них. Больше меня пугало, куда они отправят меня. Когда мент допил кофе, в кабинет зашла женщина.

— А вот и переводчик для тебя, — кивнул на нее он.

Я обернулся. Это была приятная женщина с большой грудью, на которой лежал крестик. Она обошла стол и прикрыла жалюзи. Из-за открытой форточки они все равно шевелились и чуть-чуть пропускали солнце. Я решил, что не буду с ней говорить, но когда она села на место мента, то сказала:

— Привет, Толя!

Я не пошевелился.

— Не бойся. Я здесь, чтобы тебе стало легче.

Я молчал. Она внимательно осмотрела меня и снова подняла руки:

— Не хочешь общаться? Но мне ты можешь рассказать все, что тебя беспокоит. Я не из полиции. Видишь, я знаю твое имя, знаю, откуда ты.

«Это меня и напрягает», — подумал я.

— Почему ты сбежал из интерната? — спросила она.

— Захотел.

— Понимаю. Это из-за Игоря Львовича?

Я вздрогнул. Она говорила про Урода. Неужели они знают?

— Это мой учитель по истории.

— Я знаю, — сказала она и так посмотрела на меня...

Даже не знаю, как объяснить, всеми своими глазами она так пожалела меня.

Эта жалость... Почему она жалеет меня? И тут к горлу подкатило. А вдруг она и вправду не из полиции? Может, она сможет понять, эта женщина с большой грудью? Я точно, уже точно знаю, я понял, что все, что там было, это неправильно, что надо по-другому... И тут ни с того ни с сего я разревелся. Как девчонка. И не мог, никак не мог остановиться.

Я плакал долго, кажется, потом что-то отвечал на ее вопросы, рукавом вытирая слезы. Я ей сказал, что это было что-то плохое, что-то неправильное, что я что-то видел, что теперь я знаю, как взрослые могут любить детей, что Урод нас ненавидел. Она сидела молча, кивала и вздыхала.

— Это ты у негров понял, Толя? — спросила она.

— Да-а! Они любят друг друга. Я видел. Даже не смотря на то что... — тут я осекся.

Кажется, я не планировал этого рассказывать. Но женщина выглядела спокойно, как будто она уже давно знала об этом.

— Они же стали твоими друзьями? — продолжила она. — А ты знал, что у них нет документов? Им опасно тут.

— Знал.

— Ты жил у них?

— Чуть-чуть.

— Как их звали?

— Не знаю.

— А где они сейчас?

— Не знаю.

— Я думаю, они собирали свои вещи, чтобы поехать домой. На родину. Но они могли потеряться.

— Могли, — согласился я и вспомнил, что ни Косичка, ни Статуя, ни тем более Черепаха практически не выходили дальше двора.

— Расскажи, как они выглядели, — попросила женщина.

Ее грудь слегка поднялась, и в крестик попал луч.

Я замаялся. А что если Призраку правда нужна помощь? Что если полиция реально поможет им добраться домой?

— Им нужно помочь, Толя. Ведь здесь они чужие.

Ах вот что вас волнует! И дебил же я... Да вы и помогать им не хотите, вы просто хотите убрать еще одну проблему, еще одних людей! Уж нетушки. Сту-

чать на тех, с кем жил, на тех, с кем хотел уехать? В интернате таким мы устраивали жесткие темные. Они и сами доберутся.

Но ведь они бросили меня... Я мог бы ехать сейчас с ними в Эфиопию. Я вспомнил, как мечтал в электричке, что увижу деревню Косички, ту церковь, ее дом. А теперь я сижу в темном кабинете, где воняет кофе, и не знаю, что со мной будет. Тут меня охватила такая злоба. Еще эта тетка с огромными сиськами, чтоб ты...

— Толя?

— Не знаю я! Отвалите!

— Толя! Ты же понимаешь, что мы отправим тебя обратно?

Ах ты ж гадюка драная, выпытала из меня все про Урода, а теперь к нему прямо в руки отправляет!

— Толя, ты отказываешься нам помогать? — Это она уже спросила, когда за ее спину зашел и встал на фоне дрожащих жалюзи мент. Усы свои кофейные он уже облизал.

Я молчал. В голове пульсировала только одна мысль: «Нет, нет, только не к нему! Нет, пожалуйста, нет. Он будет на меня так смотреть, он все поймет, что я сдал его, он попросит меня остаться после уроков!»

— Он не скажет, — сказала женщина менту, повернувшись боком. — Он рассказал только про интернат.

Ох, я готов был разорвать ее! А лучше поджечь! Ты думаешь, я не смогу, старая дура? Да ты знаешь вообще, что я могу?!

Все внутри горело, я сжал в кармане коробок, когда она встала из-за стола и двинулась ко мне. Я бы поджег ее, честное слово, но мент тоже пошел за ней, и когда она поравнялась со мной и хлопнула по плечу, мент наклонился прямо напротив и уперся в колени.

— Не скажет, значит? Ничего, мы их и так найдем. Не зря же они сбежали, оставив половину вещей. Испуга-а-ались.

Они сбежали раньше, чем хотели? Тут я вспомнил уверенный кивок Статуи на мой вопрос, идти ли сегодня работать. Ох, и зачем только я ее послушался! Если бы я остался, если бы только остался, то был бы уже с ними на полпути к Африке!

— Как же вы общались? — спросил мент, даже не рассчитывая, что я отвечу. — Они тебя надурили, малыш. Никакие они не болельщики, обычные беженцы. Прихватили старуху, пожитки и всей семьей под шумок чемпионата мира притащились к нам. Их тут теперь знаешь сколько, это ты еще к добрым попал.

«А что теперь?» — думал я, наблюдая, как мент возвращается обратно к столу и берет телефон. — Они отправят меня обратно в интернат? И что со мной будет, когда Урод узнает?»

Машина затормозила, и я снова подумал о Безымянном. Мент спереди снял с пуза ремень, вдавил си-

денье и, как от пружины, выскочил из машины. Она при этом закачалась. Следом в открывшуюся дверь послушно полез и я. Все равно уже никуда не дернешь отсюда. Я снова здесь.

Я поднял голову. И остолбенел. На пороге толпились Близняшки, директриса, технологичка, схуднувший Димон, чуваки из второй группы. Кто-то улыбнулся. Близняшки замахали двумя свободными руками. Безымянного я сначала не заметил, но потом спалил его в черном капюшоне чуть в стороне. Он, как всегда, смотрел исподлобья. И меня как будто отпустило, страх исчез. Это же они, мои родные.

Я столько натерпелся за эти недели, столько передумал, пока меня держали в полиции. Мне кажется, я никогда в жизни так много не думал, как за все эти дни. А тут... Меня подхватило. Это было течение интерната, которое я так хорошо знал: куда бы ты ни пошел, чего бы ни делал в свободное время, оно все равно тебя находило, хватало и тащило. На завтрак, на занятия, на послеобеденный отдых, на тренировку во дворе, на стирку вещей, на просмотр телика... И сейчас я понял, что соскучился по нему.

Я не заметил, как меня окружили все наши, как они прыгали вокруг, как бежали потом за мной по коридору, как я оказался в кабинете директора, потом в своей комнате, в ванне, и вот уже в новой чистой одежде, как рядом появились вещи из рюкзака. Я выхватил его из рук няньки. «Оставь! Я сам!» Она не стала спорить, пожала плечами и вышла из комнаты.

Я открыл его. Вся моя жизнь «там» была тут. Я достал карту пригородных поездов. Раскрыл и провел пальцем по всем вмятым линиям, которые я сделал ручкой или карандашом. Вот тут я встретил Фею, а здесь Шерлока, на ленинградском и курском направлении я продал больше всего ободков, а тут меня побил Хромой. Даже его я вспомнил с какой-то теплотой. А где бы я отметил Эфиопию, если бы я поехал? Надо уточнить у Безымянного.

В рюкзаке я нашел последнюю непроданную корзинку Черепахи. Ту самую, с фиолетовым «пушистиком». Хорошо, что она осталась, теперь мне точно не покажется, что я все это придумал.

В комнату вошел Безымянный. Он не стал лыбиться и называть меня лохом, наоборот, он тихо сел рядом и стал смотреть на вещи у меня в руках. Я понял, что ему интересно.

«Я плел и продавал такие штуки в электричках».

Его глаза сделались круглыми. Он взял корзинку в руки и расправил.

«Большая, — пошевелил он губами и подкинул. — Легкая».

Затем погладил пушистый жгут: «Прикольно».

Мы помолчали.

«Мне жаль, что все так случилось».

Я кивнул: «Я рад, что мы снова встретились».

Безымянный отвернулся. Пока молчали, я думал, как рассказать ему, что частично его фраза «тебя будут ненавидеть за то, что ты калека» оказалась правдой. Как доказать, что частично и нет. Я решил, что не буду рассказывать ему все сразу, а то не поверит.

«Пройдемся?»

Мы встали. Я уже выходил из комнаты, как Безымянный тронул меня за плечо: «Я тоже рад».

Мне показалось, или у него реально были красные глаза, не знаю. Лучше, чтобы показалось.

Мы шли по коридору сначала спального этажа, потом спустились на второй — с классами. Безымянный сначала шел рядом, а потом оживился, обогнал меня и стал задом пятиться назад: «У нас тоже много чего произошло».

Интересно узнать. Что Сухой снова заломил кому-нибудь? Или мелкие опять залажали спартакиаду?

«После того как ты сбежал, такой дурдом поднялся, — активно замахал он руками. — Каждый день тут были менты, с мигалками, с собаками. Говорили, что вроде нашли твой след, а потом потеряли, мол, на какой-то большой площади».

«Площадь трех вокзалов! Я сразу туда поехал!»

«Да ты красавя. Я все офигевал, как у тебя мозгов хватило все это так повернуть. А потом менты каждого допрашивали, прямо с уроков выхватывали. Никто ни о чем другом не говорил. Только о тебе. А потом...»

Безымянный опустил руки. Мы проходили прямо мимо кабинета Урода. Я сразу втянул шею, чтобы он не заметил нас через стекло, но было поздно. Внутри шел урок, учитель повернулся от доски. И тут я понял, что это не он. Нет, это точно был кабинет истории, но внутри был не историкан. Я никогда не видел этого препода.

Я уставился на Безымянного: «Это еще кто?» — «Новый историкан». — «В смысле? А Урод?» — «Это и хотел рассказать. Урода увезли». — «Что?!»

«Толь, — Безымянный застыл на секунду, — за Уродом приехали. Менты уже откуда-то что-то знали. Нас всех вызывали, спрашивали про тебя, но еще и про него. Многие не признавались. Первый рассказал Димон. Он разревелся и все выдал им. А после уже и другие».

Я не мог поверить своим глазам. Учитель подошел к двери и вопросительно смотрел на нас. У него были прозрачные очки, а за ними внимательные глаза. Безымянный жестом поздоровался с ним и потащил меня за руку дальше. Ноги у меня стали ватными. Выходит, благодаря моему побегу мы избавились от Урода? Безымянный посадил меня на подоконник, а я не мог перестать тарашиться на него, как на привидение.

«Толь, — он пощелкал пальцами у моих глаз. — Он больше сюда не вернется. Мы все рассказали».

Тогда я еще не мог понять, что будет с интернатом и с нами, но для себя четко решил, что карта пригородных поездов — это только начало.